

ШЁЛК и ПЕПЕЛ

Элен Рад
Два мира, одна судьба.

18+

Элен Рад
Шёлк и пепел

«Автор»

2026

Rad Э.

Шёлк и пепел / Э. Rad — «Автор», 2026

Ян Шейл — циничный бизнес-акула, «золотой мальчик» города, привыкший, что у всего в этом мире есть ценник. Он ненавидит идеализм и решает ради забавы поглумиться над "Fox" — наивной рыжеволосой учительницей из коррекционной школы «Маяк» по имени Элис Блейс, с которой знакомится в закрытом приложении. Но её резкий отказ и обвинение в душевной пустоте задевают его эго. Ян задействует все свои ресурсы, чтобы разрушить её жизнь, подчинить её себе и доказать, что даже у «чистых сердцем» есть своя цена. Однако то, что начиналось как жестокая игра в доминирование, контроль и подчинение, оборачивается опасной психологической дуэлью, где на кону оказываются их собственные души, всплывают страшные тайны прошлого их семей, а также появляется третий участник — таинственный и притягательный художник Эрик, который навсегда изменит правила этой игры.

© Rad Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Ловушка в сети	5
Глава 1: Тень за плечом	7
Глава 2: Капкан	15
Глава 3: На миллион	23
Глава 4: Утро нового дня	33
Глава 5: Наследник пустоты	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Шёлк и пепел

Пролог: Ловушка в сети

Ян Шейл ненавидел скуку. Его жизнь состояла из безупречно сшитых костюмов, многомиллионных сделок в «S-Holdings» и бесконечного парада женщин, которые соглашались на всё еще до того, как он открывал рот. Его называли «золотым мальчиком» города, но под этим лоском скрывался скверный характер и глубокое презрение к окружающим. Ему казалось, что всё в этом мире имеет ценник.

Вечер в его пентхаусе был типичным: бокал дорогого виски и светящийся экран телефона. От нечего делать он листал анкеты в закрытом приложении для знакомств — месте, где люди прятались под никнеймами и искали себе временные игрушки.

И вдруг он наткнулся на неё.

«Fox». Никаких фото в купальниках, никакого пафоса. На снимке она смеялась, пытаясь удержать в руках стопку книг на фоне пошарпанной стены школы. В описании было всего несколько слов: «Учу детей видеть мир сердцем. Мечтаю о тишине и искренности».

— Учительница в коррекционной школе? — хмыкнул Ян, прихлебывая виски. — Какая нелепая наивность.

Он создал пустой аккаунт. Без фото, без своего громкого имени. Просто «Master». Ему захотелось поглумиться над её идеализмом, разрушить этот кокон доброты, который его так раздражал.

«Тишина — это привилегия для тех, у кого нет денег на шумную жизнь. Неужели вам не хочется чего-то большего, чем мел и тетрадки?» — написал он.

Он ждал, что она промолчит или заблокирует его. Но она ответила через пять минут.

«Шум — это способ скрыть пустоту. У меня есть всё, что мне нужно. А у вас, кажется, слишком много свободного времени для незнакомых людей».

Так началась их странная переписка. Неделями Ян вел двойную игру. Днем он был циничной акулой бизнеса, который мог уволить человека за неправильный тон, а по вечерам превращался в таинственного собеседника для чудной девушки по ту сторону экрана. Он злился, когда она не отвечала часами, когда была занята своими «особенными» подопечными, и сам не заметил, как начал проверять телефон каждые пять минут. Её искренность была для него как экзотический наркотик.

Но всё рухнуло в один вечер. Яну надоело прятаться. Он решил, что пора «купить» её внимание по-настоящему.

«Хватит игр. Давай встретимся. Я пришлю за тобой машину и тебе больше не придется думать о бюджете своей школы», — написал он, будучи уверенным в том, что он не получит отказа.

Ответ пришел быстро. И он звучал как пощечина.

«Я знала, что за анонимным профилем скрывается кто-то несчастный, но не думала, что все будет настолько плохо. Вы пустой, Master. Красивая, дорогая, но абсолютно полая оболочка. Не пишите мне больше. Мне неинтересно ваше состояние, меня не интересует такой стиль жизни».

Ян замер. Его пальцы побелели, сжимая телефон. «Пустой»? Она назвала его, человека, перед которым трепетал совет директоров, пустым?

Ярость захлестнула его. Это было не просто задетое самолюбие — это был вызов. Он привык, что всё в его жизни идет по неизменному плану. А эта девчонка, которая живет на зарплату учителя, осмелилась судить его?

— Ты хочешь искренности, Fox? — прошептал он в пустой комнате, и в его глазах вспыхнул тот самый опасный огонь, который предвещал бурю. — Ты её получишь. Но на моих условиях.

Ян замер. Его губы тронула опасная, почти хищная ухмылка. Никто не смел называть его «пустым». Он нажал на профиль Fox. Закрытый аккаунт. Минимум информации. Но для человека с его ресурсами и складом ума это было лишь делом десяти минут.

Он набрал номер начальника своей службы безопасности.

— Найди мне всё на рыжую преподавательницу из школы «Маяк». Каждую задолженность её школы, каждый неоплаченный счет. Я хочу знать, за какую ниточку нужно дернуть, чтобы она сама пришла ко мне просить о пощаде.

Так закончилась их переписка. И так началась первая глава её кошмара. Он искал обладания. И он был готов превратить её жизнь в руины, чтобы доказать — в его мире даже «чистые сердцем» имеют свою цену.

Он отшвырнул телефон. Ян уже знал, где находится её школа. Знал, во сколько она уходит домой. Он больше не хотел писать ей. Он хотел увидеть её страх, когда она поймет, что от «пустого» человека так просто не уйти.

Глава 1: Тень за плечом

Школа «Маяк» располагалась в старом районе города, где время словно замедлило свой бег. Это было приземистое здание из красного кирпича, увитое диким виноградом, который осенью вспыхивал багрянцем, вторя цвету волос Элис. Внутри пахло мелом, сушеной лавандой, которую они с детьми раскладывали в мешочки, и выпечкой из маленькой столовой. Стены коридоров были не просто выкрашены краской — их покрывали яркие отпечатки ладошек, неровные рисунки солнца и бумажные гирлянды. Для Элис это место было единственным островком уюта и тепла.

Элис Блейс была из тех женщин, чью красоту замечаешь не сразу, но запоминаешь навсегда. В её характере удивительным образом уживались стальной стержень и почти детская ранимость. Она обладала редким даром — умением слушать тишину. Её глаза, цвета молодого мха, всегда смотрели прямо, без кокетства, вызывая у собеседника либо безоговорочное доверие, либо жгучее раздражение своей пронизательностью. Учительница носила простые платья из хлопка, удобные кеды и почти не пользовалась косметикой, но её естественность действовала на окружающих сильнее любого дорогого парфюма.

При среднем росте она казалась почти невесомой из-за своей удивительной, птичьей хрупкости. Тонкая талия, которую, казалось, можно было обхватить сомкнутыми ладонями, и узкие запястья создавали обманчивое впечатление незащитности — то самое, что так странно контрастировало с её внутренней силой.

Но главным, что приковывало взгляд после её необычных глаз, были волосы. Это было настоящее буйство: густая, непокорная копна мелко вьющихся рыжих кудрей, которые жили своей собственной жизнью, отказываясь подчиняться заколкам и вспыхивая на солнце цветом расплавленной меди. Этот огненный ореол обрамлял бледное лицо, щедро, словно брызгами золотой краски, усыпанное веснушками. Они созвездиями покрывали переносицу, скулы и лоб, придавая этой серьезной женщине вечно юный, трогательно-озорной вид.

Элис шла по школьному коридору, поправляя выбившийся рыжий локон. День выдался тяжелым: один из её подопечных, маленький Томми, никак не мог успокоиться. Мальчик страдал от сенсорной перегрузки, и Элис провела два часа, сидя с ним в «тихом уголке», тихо напевая старую колыбельную, пока его маленькие пальчики не перестали судорожно сжимать край её кофты. Она любила свою работу за ту первобытную искренность, которой так не хватало в мире взрослых с их контрактами, масками и фальшивыми улыбками.

Выйдя на парковку, Элис полной грудью вдохнула воздух начала лета. Вечер был мягким, еще хранящим дневное тепло, настоящим на сладковатом запахе цветущих лип и нагретого асфальта. Но в этой безмятежности уже чувствовалось приближение перемен: ветер посвежел, принося с собой влажные нотки, а небо на горизонте подернулось сизой дымкой, словно обещающая скорый, освежающий дождь.

Школьный двор опустел, и в этой внезапной тишине шелест крон старых дубов казался особенно тревожным. Элис сделала несколько шагов в сторону тяжелых железных ворот, по её спине пробежал совершенно неуместный, ледяной озноб. Это было почти физическое ощущение чужого, тяжелого взгляда, упершегося ей в затылок.

Она резко оглянулась. Ряд припаркованных машин, серый, потрескавшийся асфальт и забор, за которым начинался парк. Никого. Но чувство чужого присутствия не исчезало.

В нескольких десятках метров, за тонированным стеклом черного внедорожника, Ян Шейл наблюдал за ней через объектив. Он видел каждую деталь: как она устало потеряла переносицу, как солнечный зайчик запутался в её медных волосах, как она испуганно обхватила себя руками.

— Значит, «пустой», Элис? — прошептал он, и его палец коснулся экрана, обводя контур её лица. — Ты даже не представляешь, насколько заполнила мои мысли за последние недели.

Он видел её насквозь — её доброту он считал слабостью, её преданность детям — ненужной жертвой. И всё же в её хрупкой фигуре было что-то, что заставляло его выжидать. Он не хотел просто прийти и заявить о себе. Он хотел, чтобы она почувствовала его тень еще до того, как увидит лицо. Вечером, дома, Элис заварила чай и открыла ноутбук. Новое сообщение от Мастера всплыло мгновенным уведомлением в углу экрана телефона.

Master: «Зеленый тебе идет больше, чем ты думаешь, Элис. Особенно тот плащ, в котором ты была сегодня у школы. Но старайся не оглядываться так часто — это выдает твой страх».

Чашка едва не выпала из её рук. Сердце пропустило удар. Откуда он знает её имя? Откуда знает, во что она была одета? Элис быстро начала печатать, её пальцы дрожали.

— Кто ты такой? — прошептала она в пустоту комнаты.

Холод пробежал по коже Элис, оставляя за собой липкое чувство тревоги. Это не просто интернет-троль. Это кто-то, кто стоит за её спиной, кто-то, кто ворвался в её крошечный, защищенный мир. Тяжело дыша, Элис схватила смартфон, лежащий на столе. Пальцы не слушались, попадая мимо цифр.

«Заблокировать. Скрыть профиль. Удалить аккаунт», — пульсировало в голове.

Она открыла приложение мессенджера, чтобы отправить его в черный список, но экран вдруг мигнул и залился черным цветом. В центре появилось изображение маленькой белой лисы, попавшей в капкан.

— Что за... — сорвалось с её губ.

Элис попыталась нажать кнопку перезагрузки, но телефон не реагировал. Вместо этого на экране поползли строчки текста, сменяя друг друга с бешеной скоростью:

Master: «Блокировка — это так предсказуемо. Ты действительно думала, что я позволю тебе прервать наш диалог на самом интересном месте?»

Сердце Элис забилося о ребра, как пойманная птица. Она бросилась к стационарному телефону, стоявшему в прихожей — старая привычка, которую она хранила ради безопасности. Сняла трубку, ожидая услышать гудок, но в динамике была тишина. А через секунду — тихий, искаженный помехами смех.

— Аллю? Полиция? — крикнула она, почти срываясь на крик.

Из трубки раздался спокойный, бархатистый мужской голос, не скрытый никакими фильтрами:

— Полиция не поможет тебе справиться с тем, чего ты не видишь, Элис. Ты сама пригласила меня, когда ответила на форуме. Теперь правила устанавливаю я.

Связь оборвалась. В ту же секунду во всей квартире погас свет. Единственным источником освещения остался экран её ноутбука. Синее свечение выхватило из темноты её бледное лицо и расширенные от ужаса зрачки. На экране светилась карта города с мигающей красной точкой прямо на её доме. И подпись:

«Я вижу, как ты дрожишь. Не бойся. Я люблю, когда мои вещи знают свое место. Иди к окну».

Элис замерла, не в силах пошевелиться. Стук сердца заглушал все остальные звуки. Инстинкты кричали, что не стоит этого делать, но какая-то призрачная надежда зудела в груди о том, что это может быть неудачной шуткой. Она медленно повернула голову в сторону окна, выходящего на темную улицу.

Там, внизу, у обочины стоял черный матовый спорткар. Его фары на мгновение вспыхнули, разрезая темноту, словно глаза хищника, который наконец нашел свою добычу. Женщина вздрогнула от неожиданности, шумно выдохнув.

Телефон в руке Элис внезапно ожил. Экран вспыхнул, но вместо привычного рингтона раздалась низкая, вибрирующая мелодия, которую она никогда не устанавливала. На дисплее не было номера — только короткое слово: «Master», а под ним едва заметное имя: Ян.

Дрожащими пальцами она приняла вызов. Сначала была тишина, лишь тяжелое, размеренное дыхание на том конце провода, от которого по телу Элис пробежали мурашки.

— Иди к окну, Элис, — произнес голос. Он был глубоким, уверенным и пугающе спокойным. — Ты ведь уже смотришь на мою машину. Сделай шаг ближе.

Элис, словно под гипнозом, подошла к окну. Её ноги казались ватными. Она прижалась лбом к холодному стеклу, глядя вниз на черный силуэт автомобиля.

Дверь спорткара открылась с едва слышным, дорогим щелчком. Когда мужчина вышел из машины, пространство вокруг него словно сжалось, подчиняясь его подавляющей энергетике. Даже в сумерках было заметно, насколько он велик — широкие плечи почти перекрывали обзор на салон автомобиля, а атлетическое телосложение выдавало в нем человека, привыкшего к жесткой дисциплине.

Он был воплощением опасной элегантности. На нем была черная рубашка из тончайшего хлопка, верхние пуговицы которой были небрежно расстегнуты, открывая сильную шею. Поверх была накинута легкая кожаная куртка — матовая, безупречного кроя, она мягко облегла его фигуру, подчеркивая разворот плеч.

Свет фонаря, качнувшийся от порыва ветра, скользнул по его лицу, превращая его в ожившую античную статую. У него был пугающе идеальный профиль: высокие, как лезвия, скулы, прямой нос и волевой подбородок с едва заметной ямкой. Его темные, почти иссиня-черные волосы были зачесаны назад, но несколько прядей непокорно упали на лоб, придавая образу налет порочного благородства.

Но самым сильным в его облике был взгляд. Глаза, глубокие и темные, словно застывшая смола, не просто смотрели — они сканировали пространство. В этом взгляде не было тепла, только холодный расчет и та самая «хищная» уверенность, от которой у Элис перехватило дыхание. Он стоял, опершись одной рукой о крышу машины.

Master небрежно, почти лениво достал из кармана куртки пачку дорогих сигарет. Его движения были отточенными, лишены суеты, как у человека, который привык, что мир вращается вокруг него. Достав одну, он чиркнул тяжелой металлической зажигалкой.

Вспышка пламени на мгновение озарила его лицо, сделав тени в глубоких глазницах еще чернее, а взгляд — еще более пугающим. В этом коротком отблеске Элис увидела кончики его пальцев — длинные, сильные, с безупречным маникюром. Он глубоко затянулся, и алый огонек сигареты стал единственным ярким пятном в сгущающихся сумерках.

Ян выпустил густую струю дыма, которая тут же смешалась с влажным воздухом, пахнущим озоном и липой. Этот горький, терпкий аромат сигарет мгновенно перебил все запахи лета, становясь для Элис личной меткой опасности. Он не сводил с неё глаз, продолжая курить с той же невозмутимостью, с какой хищник наблюдает за своей добычей, прежде чем сделать окончательный бросок. Сигаретный дым медленно таял в воздухе, а напряжение между ними, казалось, достигло того предела, когда первая упавшая капля дождя должна была вызвать взрыв.

— Почему ты это делаешь? — прошептала она в трубку, её голос сорвался. — Что тебе нужно от меня?

— Мне? — Ян усмехнулся. В трубке это прозвучало как рокот. — Мне нужно твое внимание. Полное и безраздельное. Ты назвала меня «пустым», маленькая лиса. Я здесь, чтобы показать тебе, насколько я реален.

— Я сказала то, что увидела из переписки. Ни больше, ни меньше. Для человека, которого не волнует чужое мнение, это не должно стать проблемой, — как скороговорку проговорила Элис с нотками упрямства, нервно кусая губы.

— Открой окно, — приказал он. Это не была просьба.

— Нет... — выдохнула она.

— Открой, или я поднимусь и сделаю это сам. Но поверь, тебе больше понравится, если я останусь здесь... пока что. У тебя пять секунд. Пять... четыре...

Элис судорожно дернула ручку, и створка окна со свистом распахнулась, впуская в душную комнату ночной холод. Она стояла перед ним, беззащитная, в своей простой домашней одежде, с рассыпанными по плечам рыжими кудрями.

— Умница, — его голос в трубке стал тише, почти нежнее, но в этой нежности крылась сталь. — А теперьними этот старый халат со своих плеч. Я хочу видеть, как сильно бьется твое сердце под этой тонкой тканью. Покажи мне, как сильно ты меня боишься... или как сильно тебя это заводит.

— Чокнутый! — Элис сбросила вызов и закрыла окно, прячась за занавесками.

«Куда же я влипла? Почему этот парень здесь?» — в голове бунтовали мысли, перебивая друг друга, а перед глазами стояла эта наглая улыбка. Элис сползла по стене на пол и посмотрела на свои дрожащие руки.

Тишина в квартире стала гнетущей. Элис прижала колени к груди, пытаясь унять дрожь. Ей казалось, что если она не будет двигаться и дышать, она станет невидимой. Но этот человек уже доказал, что для него не существует стен.

Прошло меньше минуты, прежде чем тишину разорвал резкий звук. Не звонок, а громкий, требовательный стук в дверь подъезда, который отозвался эхом в трубке домофона из прихожей. Затем — короткий писк, означающий, что электронный замок взломан.

Он входил. Спокойно. Уверенно. Как хозяин.

Телефон в руке Элис снова завибрировал. На этот раз это было сообщение, которое высветилось на заблокированном экране огромными буквами:

Master: «Ты совершила ошибку, Fox. Сбросить вызов — значит проявить неуважение. Я предупреждал, что не люблю ждать».

В коридоре послышались шаги, они отдавались гулким эхом, пока мужчина поднимался по лестнице на второй этаж. Тяжелые, размеренные. Человек, который никуда не торопился, потому что знал — жертве некуда бежать. Шаги затихли прямо перед её дверью.

Элис затаила дыхание, глядя на дверную ручку. Ей казалось, что она слышит его дыхание по ту сторону. Вдруг в замочной скважине что-то щелкнуло. Замок, который она всегда считала надежным, провернулся с издевательски легким звуком.

Дверь медленно отворилась. В полоске света из подъезда возник высокий силуэт. Ян Шейл стоял в проеме, заполняя собой всё пространство. Он посмотрел на нее, слегка наклонив голову. Он не вошел сразу. Он стоял и смотрел на неё, сидящую на полу в полумраке.

— Ты выглядишь еще более хрупкой в реальности, — произнес он, и его голос в замкнутом пространстве квартиры прозвучал как удар хлыста. — И намного красивее, когда напугана.

Ян переступил порог и закрыл за собой дверь на замок. Щелчок прозвучал как приговор.

— Ну же, Элис, — он сделал шаг к ней, его тени поползли по стенам, поглощая её уютный мирок. — Где же твои рассуждения о самообладании? Покажи мне ту бойкую «лису», которая была такой смелой в сети.

Ян прошел вглубь комнаты с такой непринужденностью, будто это он платил за эту аренду последние годы. Он не спешил к ней. Вместо этого он отодвинул её любимое старое кресло, стоявшее у окна, развернул его к Элис и сел, вальяжно закинув ногу на ногу.

Дорогая кожа его туфель блестела в свете ноутбука. Он выждал долгую, мучительную паузу, просто глядя на неё сверху вниз. В этом взгляде не было сочувствия — только холодное любопытство ученого, препарирующего редкое насекомое.

— Встань, Элис, — негромко произнес он. — Пол — не самое подходящее место для леди, даже если она так отчаянно пытается изобразить жертву.

Она не пошевелилась, и Ян слегка наклонился вперед, опершись локтями о колени. Его лицо теперь было совсем близко к кругу света.

— Ты думаешь, что тишина и запертая дверь тебя спасут? Но я взломал твою жизнь за пятнадцать минут, — он усмехнулся, и в его глазах промелькнул тот самый Мастер из переписки, саркастичный и безжалостный. — Я знаю о тебе всё. Знаю, в какое время ты приходишь в школу, знаю, что ты пьешь кофе без сахара, и знаю, что на твоём счете в банке ровно четыре тысячи долларов. Этого не хватит даже на хорошего адвоката, не говоря уже о том, чтобы спрятаться от меня.

Он достал из внутреннего кармана пиджака тонкий конверт и бросил его на пол рядом с ней.

— Внутри — список правил. С сегодняшнего дня твоя «безопасность» имеет цену. И эта цена — твоя покорность.

Ян сделал паузу, наслаждаясь тем, как расширяются её зрачки. Элис бросила на конверт презрительный взгляд, а затем вернула его на мужчину. Она смотрела на него, как загнанный в ловушку дикий зверек.

— Правило первое: твой телефон всегда должен быть включен, и ты отвечаешь на мой звонок в течение трех гудков. Правило второе: ты удаляешь все свои аккаунты, кроме того, через который я буду с тобой связываться. Правило третье: ты не рассказываешь о моем визите никому. Ни полиции, ни коллегам, ни той милой старушке-соседке, которая поливает цветы на клумбе два раза в неделю.

Он протянул руку и коснулся кончиком пальца её дрожащего колена, медленно ведя вверх по ткани штанов.

— Если ты нарушишь хотя бы одно... я позабочусь о том, чтобы твою школу закрыли из-за «несоответствия стандартам», а твоих «особенных детей» распределили по худшим интернатам штата. Ты ведь любишь их, не так ли? Пожертвовать ими ради своего упрямства было бы... эгоистично.

Элис почувствовала, как горло перехватило спазмом. Он не просто пугал её — он бил по самому больному, по тем, за кого она готова была отдать жизнь.

— Зачем? — сорванным голосом спросила она. — Зачем тебе я? У тебя есть деньги, власть, женщины...

Элис наконец поняла, кто перед ней. Его лицо часто пестрило на страницах газет. Ян внезапно схватил её за подбородок, заставляя смотреть прямо в свои карие глаза, в которых сейчас полыхало что-то темное и ненормальное.

— Потому что ты единственная, кто посмел спорить со мной, лисичка. И теперь я хочу увидеть, как ты будешь умолять меня остановиться. Или просить продолжить.

Элис резко дернула головой, вырываясь из его хватки, и наотмашь ударила по его руке. Звук шлепка в тишине квартиры прозвучал дерзко и решительно. Она вскочила на ноги, тяжело дыша, и отступила к стене, прижимая ладонь к груди.

— Убирайся! — выкрикнула она, и её зеленые глаза лихорадочно блеснули. — Я не раба, а ты не мой владелец! Моя жизнь не принадлежит тебе ни в сети, ни здесь. Ты просто больной маньяк с комплексом бога!

Ян не шелохнулся. Он медленно перевел взгляд на свою руку, по которой она ударила, а затем снова на неё. На его лице не было гнева — только пугающее удовлетворение. Он ждал этого. Ему было скучно с теми, кто сдавался сразу.

— «Владелец», Элис? — он медленно поднялся из кресла, и его тень мгновенно накрыла её. — Ты будешь принадлежать мне, потому что я этого хочу.

В одно мгновение он сократил расстояние между ними. Прежде чем она успела вскрикнуть, его ладонь жестко легла ей на горло — не перекрывая воздух полностью, но достаточно сильно, чтобы она почувствовала его сокрушительную силу и тепло кожи. Другой рукой он

перехватил обе её кисти, вскинув их над её головой и прижав к стене. Ян уловил шлейф ее духов: жженая карамель, цитрус и мята. Это сочетание показалось ему забавным, почти осязаемым на языке, хотелось попробовать ее на вкус, и он сдерживался из последних сил.

Элис оказалась в ловушке между его телом и холодным бетоном. От него пахло дорогим парфюмом с сандалом, сигаретами и опасностью.

— Какая глупая девочка, — прошептал он ей прямо в губы, обдавая жарким дыханием. — Никогда не поднимай руку на того, кто может сломать тебя одной ладонью. Твой бунт — это всего лишь шум, который я могу выключить в любую секунду.

Он прижался к ней еще плотнее, так что она почувствовала его подкачанное тело под тонкой тканью рубашки. Его колено бесцеремонно вклинилось между её бедер, лишая малейшей возможности сдвинуться.

— Отпусти, — прошипела женщина, стиснув зубы.

— Ты думала, я буду играть в джентльмена? — Ян наклонился к её уху, его голос стал хриплым, обнажая того самого Яна, который прятался за маской бизнесмена. — Я люблю, когда добыча дергается. Это делает процесс... интереснее. А теперь скажи мне, глядя в глаза: кто здесь устанавливает правила?

Элис задыхалась — не от нехватки кислорода, а от парализующего ужаса и странного, пугающего электричества, которое прошило её тело от его близости.

Элис замерла. Несмотря на то, что её запястья онемели под его хваткой, а сердце колотилось о рёбра, как безумное, она не отвела взгляда. В её зелёных глазах застыл холодный, почти осязаемый вызов. Она не собиралась дарить ему удовольствие видеть, как она сдаётся так быстро.

Ян смотрел на неё, и в его голове промелькнула мысль: «Маленькая лиса всё ещё скалитися». Это было красиво. Это было возбуждающе. И это требовало немедленного подавления.

— Молчишь? — его губы растянулись в хищной улыбке. — Ты думаешь, что твоё упрямство — это сила. Я же вижу в нём лишь плохую игру, которая тебе не удалась. Ты не просчитала последствия.

Он отпустил её руки, но лишь для того, чтобы достать свой смартфон. Элис попыталась оттолкнуть его и отбежать, но Ян навалился всем весом, вжимая её плечи в стену и блокируя её движения своим телом.

— Смотри на экран, Элис.

Он набрал номер. Через секунду в динамике раздался мужской голос: «Да, господин Шейл?».

— Маркус, — произнёс Ян, не отрывая взгляда от расширенных зрачков Элис. — Школа «Маяк» для детей с особенностями развития. У них там, кажется, проблемы с пожарной безопасностью и квалификацией персонала. Позвони в департамент. Пусть приедут с полной проверкой прямо сейчас. Ночная инспекция. И проследи, чтобы завтра утром здание было опечатано до выяснения обстоятельств.

— Будет сделано, — коротко ответили на том конце.

Ян нажал отбой и поднёс экран к самому лицу Элис.

— Пройдет пара минут и несколько машин с плохими дядями и тетями приедут к твоему маленькому домику знаний. И когда ты не придешь на помощь, Томми будет плакать, верно? Он ведь не любит перемены? А ты... ты будешь официально отстранена, как только они «найдут» в твоём шкафике что-то неподобающее.

Он наклонился к её шее, вдыхая аромат её кожи, смешанный со страхом.

— Ты не посмеешь, — прошептала она, стараясь скрыть дрожь в голосе.

— Один мой звонок — и проверка прекратится. Но ты должна убедить меня, что заслуживаешь этой милости.

Ян медленно убрал телефон в карман и снова перехватил её подбородок, заставляя её почувствовать каждый миллиметр его превосходства.

— Ну же, лисица. Твоя гордость стоит их слёз? Что ты выберешь: свою независимость в стенах этой очаровательной квартирki или их спокойствие под моим покровительством?

— Я пойду в полицию, и они узнают, кто во всем виноват.

Ян рассмеялся — громко, искренне, и этот звук в тишине её маленькой квартиры прозвучал пугающе. Он откинул голову назад, а затем снова посмотрел на неё, и в его глазах заплясали искры опасного веселья.

— «Узнают»? Элис, милая, в этом городе люди видят только то, за что я им плачу. Для них я — благодетель, меценат и опора экономики. А ты... ты просто рыжая учительница с чересчур богатым воображением.

Он придвинулся еще ближе, так что их носы почти соприкоснулись. Его голос упал до интимного, пробирающего до костей шепота.

— Но мне нравится твой огонь. Поэтому давай сыграем в игру, которую ты так любишь — в «благотворительность».

Он провел большим пальцем по её нижней губе, слегка оттягивая её вниз.

— Одна ночь. Ты остаешься со мной до рассвета. Ты не говоришь «нет», ты не отворачиваешься, ты принадлежишь мне каждой клеточкой своего тела. И если ты продержишься и будешь... послушной, я не только отзову ищек от твоей школы. Я переведу на счет «Маяка» такую сумму, что они смогут построить новый корпус и нанять лучших врачей страны.

Ян сделал паузу, давая ей прочувствовать масштаб предложения. Это была сделка с дьяволом, завернутая в блестящую обертку спасения.

Слова Яна ударили наотмашь, выбивая воздух из легких сильнее, чем если бы он ударил её физически. Элис замерла, чувствуя, как мир вокруг нее начал стремительно терять краски, сужаясь до этого мужчины, запаха его дорогих сигарет и невыносимого, удушающего воздуха комнаты.

Внутри всё похолодело. Это не был просто шок — это было чувство тотального, парализующего бессилия. Её тело, ещё мгновение назад такое живое и чуткое к запахам лета, теперь казалось чужим, словно сделанным из хрупкого льда, который мог треснуть от любого его движения.

Её взгляд заметался по его лицу, пытаясь найти там хотя бы тень насмешки, признак того, что это жестокая шутка. Но Ян был пугающе серьезен. Его предложение висело в воздухе, ядовитое и соблазнительное одновременно.

«Послушной... Принадлежать каждой клеточкой...» Эти слова эхом отдавались в голове, вызывая тошнотворную волну негодования. Он не просто покупал её тело — он покупал её достоинство, её принципы, её стойкий характер. Но цена... Господи, цена была слишком высока. Перед глазами Элис на мгновение всплыли лица детей из «Маяка», старые коридоры, где пахло сыростью, и глаза маленького Тома, которому так нужна была ее помощь.

Сердце забило в ребра, как пойманная птица. Элис почувствовала, как к горлу подкатил комок. Она хотела закричать, ударить его и убежать в темноту, под первые капли дождя. Но она стояла, не в силах шевельнуться, чувствуя, как её собственная преданность детям становится кандалами на её запястьях. Шок сменился жгучим, горьким осознанием: дьявол не просто пришел за её душой — он знал её точную рыночную стоимость.

— Ты... ты монстр, — прошептала она, и её голос, обычно такой спокойный и уверенный, предательски сорвался, превратившись в едва слышный надрыв. — Ты предлагаешь мне продать себя за надежду для тех, у кого ничего нет.

Первая капля дождя, тяжелая и теплая, ударилась о стекло. За ней послышались другие.

— Подумай об этом. Одна твоя ночь в обмен на будущее всех тех детей, которых ты так защищаешь. Кажется, это именно то самопожертвование, о котором ты так красиво писала в нашем недолгом чате?

Его свободная рука медленно скользнула к пуговице на её халате, но он не расстегнул её, а просто замер, ожидая ответа. Он чувствовал, как бешено колотится её пульс под его ладонью.

Глава 2: Капкан

Для Элис школа «Маяк» никогда не была просто местом работы. Это было её убежище и единственный способ доказать самой себе, что в мире, полном хаоса и жестокости, можно создать пространство абсолютной безопасности и уюта. Эти стены, пахнувшие мелом и надеждой, были пропитаны слезами её маленьких побед: когда Томми впервые заговорил, когда маленькая Сара перестала вздрагивать от громких звуков, когда другие дети постепенно открывались ей и находили в её внимании поддержку. Для неё предать «Маяк» означало предать саму себя, вырвать сердце и бросить его под ноги этому человеку.

Она чувствовала, как внутри всё каменеет. Воздух в комнате стал густым и едким. Ян стоял слишком близко, и его холодная уверенность душила её сильнее, чем любая угроза. Элис видела в его глазах отражение своего страха. Ей казалось, что если она сейчас скажет «да», то навсегда станет частью его холодного, бездушного мира, где всё имеет свою цену.

— Решай, Элис. У Маркуса палец на кнопке «выполнить». Что мне ему сказать?

Его голос звучал почти ласково, и от этого Элис стало тошно. Она видела, как он наслаждается моментом, как он смакует её страх. В голове пронеслись лица детей — их доверчивые глаза, их хрупкие миры, которые Ян был готов раздавить просто ради того, чтобы доказать свою власть. Она поняла: её гордость не стоит их будущего, как бы эта мысль не резала сильнее любого лезвия. По-другому поступить она просто не могла.

Элис сглотнула горький, царапающий горло ком. Её пальцы, вцепившиеся в край подоконника, побелели. Она подняла голову, заставляя себя не отводить взгляда, хотя в душе в этот момент что-то с треском ломалось.

— Хорошо. Останови их, — выдохнула она. Голос прозвучал хрипло, но отчетливо. Это была точка невозврата.

Ян замер, впитывая каждое слово и молчал, словно давая звуку её голоса окончательно раствориться в тишине, чтобы запомнить его вкус. Его губы медленно растянулись в торжествующей, почти плотоядной улыбке. Это был не просто ответ — это был хруст сломанного щита, звук, который он ценил превыше всего.

— Мудрый выбор, Фох. Ты только что стала их самым великим ангелом-хранителем... — он сделал паузу, его голос стал ниже и опаснее, — ...и моей самой интересной игрушкой.

Элис сжала губы. Его слова звучали вульгарно, мерзко и неправильно. Он не сводил с неё глаз, когда снова достал телефон и, не глядя на экран, нажал кнопку вызова.

— Отбой, Маркус. Проверка отменяется. И подготовь анонимный транш на пятьсот тысяч для «Маяка». Сделай это сейчас.

Сбросив вызов, Ян отшвырнул телефон на кухонный стол. Тишина в квартире теперь ощущалась иначе — она была наэлектризована предвкушением. Он снова придвинулся к Элис, лишая её последнего пространства. Его руки больше не сжимали её запястья, но она чувствовала себя связанной по рукам и ногам его самоуверенностью.

— А теперь, — Ян нежно, почти ласково убрал рыжий локон с её лица, задержав пальцы на её виске, — игра начинается по-настоящему.

Он наклонился, коснувшись губами её уха, и Элис вздрогнула от резкого контраста его холодного голоса и горячего дыхания.

— Ты сказала «хорошо», Элис. Это значит, что до рассвета в этом доме не будет твоего «нет». Твоего страха. Есть только твоё послушание. Иди в спальню. Я хочу увидеть, как ты готовишься к нашей ночи.

Он отступил на шаг, давая ей дорогу, но его взгляд продолжал удерживать её крепче любых оков. Ян достал из кармана дорогие часы, расстегнул ремешок и положил их на стол, словно запуская обратный отсчет её свободы.

Элис смотрела на золотистый циферблат часов, лежащих на столе. Секундная стрелка двигалась с неумолимым, гипнотическим звуком, напоминавшим удары молота. Каждый этот звук вбивал гвоздь в гроб её прежней жизни.

Внутри неё, под слоем парализующего шока, проснулся инстинкт. Тот самый стальной стержень, о котором многие догадывались, но который мало кто видел в деле. Её взгляд метнулся к тяжелой хрустальной вазе на краю стола, затем к его горлу — там, где над расстегнутым воротом черной рубашки пульсировала жилка. Она могла бы. Она знала, куда ударить, чтобы выиграть себе несколько минут. Один резкий выпад, звон разбитого стекла, рывок к двери...

Но её разум, холодный и расчетливый в моменты высшей опасности, тут же нарисовал продолжение этого сценария.

Если она ударит его, он не просто разозлится. Мужчины вроде Яна не прощают унижения. Он сотрет «Маяк» с лица земли одним звонком. Те дети, которые сейчас спят в обветшалых комнатах и видят сны о выздоровлении, проснутся в аду. Ищейки, о которых он говорил, станут их кошмаром.

Она представила, как его люди приходят в школу. Как надежда, которую она так долго выстраивала по кирпичику, рушится из-за одного её импульсивного жеста. Она могла спасти свою гордость, но ценой стали бы жизни тех, за кого она была в ответе.

Элис подняла глаза на Яна. Он стоял неподвижно, наблюдая за этой внутренней бурей на её лице с почти научным интересом. Он видел, как она взвешивает шансы. Он видел, как её пальцы на мгновение сжались в кулаки, а затем медленно, бессильно разжались.

— Ты всё правильно поняла, девочка, — негромко произнес он, и в его голосе прозвучало нечто похожее на мрачное одобрение. — Ударь меня — и завтра у твоих детей не будет крыши над головой. Беги — и я найду тебя раньше, чем ты доберешься до аэропорта. Но останься... и все будут жить в той идиллии, которую ты так любишь.

Элис почувствовала, как по спине пробежала волна холода, окончательно гася пламя её бунта. Она была в ловушке, стены которой были выстроены из её собственного милосердия.

Её тело слушалось его, но душа кричала от несправедливости. Она шла в спальню, и единственное, что давало ей силы не упасть — это лица детей, ради которых она сейчас переступала через саму себя.

— Не заставляй меня ждать. Каждая минута твоего промедления будет стоить школе десяти тысяч из той суммы, что я пообещал.

Элис замерла в дверном проеме. Ее тонкая фигура в свете ночника казалась почти прозрачной, но в развороте плеч все еще читалась та самая целеустремленность, которая так зацепила Яна в сети.

— Ты получишь моё тело, но не меня, — она бросила эти слова как последний вызов, как попытку возвести невидимую стену там, где все остальные преграды уже рухнули.

Ян не спеша двинулся в ее сторону, на ходу снимая куртку. Она с шелестом опустилась в кресло. Его движения были грациозными и ленивыми, как у сытого хищника, который знает, что добыче некуда бежать. Он медленно сократил расстояние между ними, остановившись так близко, что Элис почувствовала жар, исходящий от его тела.

— «Не меня»? — переспросил он, и в его голосе послышались вкрадчивые, бархатные нотки сарказма. — Красивая фраза для дешевого романа, Элис. Но мы здесь не для литературы.

Он протянул руку и медленно, почти невесомо, обвел контур ее губ своим холодным пальцем.

— Посмотрим, — его голос стал едва различимым шепотом. — К утру ты сама не будешь знать, где заканчивается твоя ненависть и начинается экстаз. Я заставлю твоё тело предавать твой разум каждую секунду, пока мы в этой комнате.

Он зашел ей за спину, и Элис почувствовала, как его ладони легли ей на плечи, властно прижимая к себе. Ян наклонился к ее шее, едва касаясь губами чувствительной кожи за ухом. Ее сердце стучало так громко, что за ним сложно было разобрать звуки вокруг, а по коже пронеслась дрожь.

— У тебя слишком честные глаза. Твое тело уже говорит мне «да», пока твои губы пытаются лгать. Ты дрожишь не только от страха, и мы оба это знаем.

— Можешь оставить эти пафосные словечки для других своих «игрушек», Ян, — его имя из ее уст прозвучало почти обреченно. — Надеюсь, когда-нибудь ты поймешь, что не всегда бываешь прав. А возможно даже никогда.

Он слегка подтолкнул ее вперед, вглубь полумрака спальни, где на кровати зловеще поблескивал свет фонарей из окна.

— Тогда мне стоит доказать обратное, — произнес он, закрывая дверь спальни и отсекая их от остального мира. — Распусти волосы. Я хочу видеть, как они рассыпаются по подушке, пока я буду учить тебя первому правилу принуждения: истинное наслаждение начинается там, где заканчивается твоя воля.

Элис стояла посреди спальни, чувствуя себя загнанным зверем, но её дух всё ещё искрил. Она медленно подняла руки к голове, но вместо того, чтобы покорно распустить волосы, она лишь поправила выбившуюся прядь и смерила Яна ледяным взглядом.

— А ты подготовил сценарий, да, Ян? — её голос дрожал, но в нём сквозила ядовитая насмешка. — Должно быть, это ужасно утомительно — покупать женское внимание за чеки и угрозы. Твоё эго настолько хрупкое, что тебе нужно опечатать школу, чтобы затащить женщину в постель? Ты не собственник, Ян. Ты просто коллекционер сломанных вещей, потому что целые тебе не по зубам.

Тишина, следовавшая за её словами, была почти физически болезненной. Улыбка медленно сползла с лица Яна. Его взгляд потемнел, превратившись в две бездонные воронки, в которых закипала холодная ярость. Сарказм был единственным оружием Элис, но она не учла одного: Ян Шейл не проигрывал споры. Он их уничтожал.

— «Не по зубам»? — переспросил он вкрадчиво.

В одно мгновение он оказался рядом. Ян не просто схватил её — он смял её жестким движением сильной руки, рывком развернув спиной к себе и прижав её грудь к холодной поверхности комода. Его рука железным обручем легла ей на затылок, заставляя уткнуться лицом в дерево, а другая грубо перехватила её запястья за спиной.

— Ты думала, что слова могут тебя защитить? — прорычал он ей в самое ухо. — Слова здесь больше ничего не значат. Я покажу тебе, что такое настоящая собственность.

Он сорвал ремень со своих брюк, и звук хлесткого удара кожи о ладонь заставил Элис вскрикнуть.

— Раз ты хочешь играть в «сломанные вещи», я буду играть по твоим правилам. Ты не выйдешь из этой комнаты, пока не забудешь своё имя. Ты будешь знать только моё.

Ян одним резким движением намотал кожаный ремень на её запястья, стягивая их так плотно, что она едва могла пошевелить пальцами. Это было жестко, без тени той игры, что была в гостинной. Теперь это была чистая доминация.

— Ты будешь просить меня, Элис, — его голос вибрировал от сдерживаемой страсти и гнева. — И не о деньгах для своей школы. Ты будешь умолять меня забрать твой голос, твою волю и твою гордость. Потому что сейчас ты принадлежишь мне больше, чем любая из моих машин или акций.

Он заставил её повернуться, и теперь она видела его лицо — маска цивилизованного бизнесмена окончательно спала, обнажив хищную, первобытную суть.

— Этого никогда не будет, Ян Шейл. Я никогда не подпущу тебя ближе, чем одна ночь без чувств.

— У собственности нет права на сарказм. На колени. Сейчас.

Физическое превосходство и жесткость Яна заставили Элис осознать реальность своего положения. Этот чокнутый парень с повадками маньяка взломал ее телефон, дверной замок и чувство безопасности. Элис не понимала, как так вышло, что ее жизнь пошла наперекосяк из-за этого дурацкого чата знакомств.

Колени Элис коснулись ворсистого ковра, и этот жест окончательно разрушил иллюзию её контроля. Она смотрела на него снизу вверх, и через пелену слёз его фигура казалась еще массивнее, еще неотвратимее.

В голове Элис короткими вспышками проносились мысли: «Этого не может быть. Это просто чат. Просто слова в интернете...» Но холодная кожа ремня, стягивающая запястья, и обжигающая близость этого человека говорили об обратном. Её жизнь, такая размеренная, скучная и понятная, превратилась в пожар за один вечер. Она чувствовала себя так, словно её выдернули из теплого дома и бросили в клетку к волку.

Ян стоял над ней, его дыхание постепенно выравнивалось, но взгляд оставался тяжелым, властным. Он видел её слёзы, видел, как дрожат её плечи, и это доставляло ему почти физическое удовольствие. Не потому, что он был простым садистом, а потому, что теперь она была настоящей. Без масок, без сарказма — только она и её нескрываемый страх перед ним.

— Вот так, Fox, — тихо произнес он, протягивая руку и медленно зарываясь пальцами в её густые рыжие волосы. Он слегка оттянул их назад, заставляя её еще сильнее закинуть голову и подставить лицо под его взгляд. — Теперь ты начинаешь понимать. Твоя «безопасность» была лишь иллюзией, которую я позволил тебе сохранять до этого момента.

Он опустился перед ней на одно колено, уравнивая их лица, но не убавляя давления. Его свободная рука скользнула по её щеке, стирая слезу большим пальцем. Это движение было странно нежным, что пугало Элис даже больше, чем его ярость.

— Ты ненавидишь меня, верно? — его голос звучал почти ласково. — Ненавидишь за то, что я сильнее. За то, что я заставил тебя подчиниться. Но адреналин в твоей крови говорит мне, что ты никогда не чувствовала себя такой живой, как в эту минуту. Твоя стабильность была твоей тюрьмой, Элис. Я — твоё освобождение.

Он наклонился к её губам, остановившись в миллиметре от них.

— Сейчас я сниму этот ремень. И ты не побежишь к двери. Ты не закричишь. Ты пойдешь в душ, смоешь слезы со своего милого лица и усмиришь эмоции, а когда выйдешь — ты будешь готова принадлежать мне без остатка. Если я услышу хоть один звук борьбы... деньги для твоей школы превратятся в пыль быстрее, чем ты успеешь моргнуть.

Ян резким движением развязал узел на её запястьях. Кожа под ремнем покраснела, пульсируя от прилива крови. Элис коснулась своего запястья, растирая кожу пальцами.

— Ты чокнутый, Ян Шейл. Чокнутый и жестокий.

— Иди, — приказал он, отпуская её волосы. — У тебя десять минут. Я буду ждать тебя здесь. И поверь, Элис... я буду чувствовать, если ты попытаешься обмануть меня даже в мыслях.

Дверь ванной защелкнулась, и Элис изнутри прижалась к ней спиной, сползая на кафель. Шум воды, которую она включила на полную мощность, создавал иллюзию барьера, временного убежища. Она посмотрела на свои запястья — на бледной коже отчетливо проступали красные полосы от ремня.

— Это не сон, — прошептала она, глядя на свое отражение в запотевавшем зеркале. Из него на нее смотрела чужая женщина: с растрепанными рыжими волосами, размазанной тушью и лихорадочным блеском в глазах.

Она судорожно соображала. Выпрыгнуть в окно? Третий этаж, она разобьется или просто сломает ноги, и он заберет ее прямо с асфальта. Телефон остался у него. Она была полностью отрезана от мира. Элис подставила лицо под горячие струи воды, пытаясь смыть ощущение

его пальцев на своей коже, но образ Яна — холодного и расчетливого — стоял перед глазами, как выжженное клеймо.

Тем временем в спальне Ян даже не взглянул в сторону закрытой двери. Он знал, что она не сбежит — слишком много стояло на кону. Его внимание привлек небольшой комод у кровати, к которому он прижимал ее несколько минут назад. Среди стопки книг по педагогике и психологии детского развития он заметил невзрачную тетрадь в тканевом переплете с вышитой лисой на обложке.

«Как предсказуемо» — усмехнулся мужчина, обнажая ряд белоснежных зубов.

Ян сел на край кровати и открыл первую страницу. Его губы тронула холодная улыбка. Это не был простой ежедневник для записи планов. Это была карта ее души. Он быстро перелистывал страницы и его цепкий ум выхватывал ключевые фразы:

«...иногда мне кажется, что мое одиночество — это просто медленная смерть. Я боюсь признаться себе, что хочу чего-то, что заставит меня чувствовать... по-настоящему. Что-то настоящее, чего я не смогу контролировать».

Ян замер, его зрачки расширились. Он нашел то, что искал. Под маской правильной учительницы скрывалась бездна, которую она сама боялась исследовать.

Дальше шли наброски — Элис неплохо рисовала. На одном из листов был изображен темный лес и волк, следящий за добычей. На другом — переплетенные руки, стянутые чем-то, похожим на лозу. Элис писала сказку о парне, который становился волком и желал невинную девушку, ничего не подозревающую о его звериной сущности.

— Так вот ты какая на самом деле, Элис, — прошептал Ян, закрывая дневник. — Ты не просто боишься меня. Ты ждала меня.

Он услышал, как шум воды в ванной стих. Щелкнул замок. Ян положил дневник на самое видное место — на подушку — и встал, расправляя плечи. Теперь у него было оружие посильнее угроз школе. Теперь он знал её тайные желания, о которых она не смела признаться даже себе.

Элис вышла из ванной, кутаясь в длинный махровый халат, ее волосы были влажными и тяжелыми. Она замерла, увидев дневник на кровати. Вся краска отхлынула от ее лица.

— Ты... ты не имел права, — выдохнула она, ее голос дрогнул от смеси стыда и ярости.

Ян сделал шаг навстречу, его взгляд был пронзительным, торжествующим.

— Ты сама написала сценарий этой ночи еще до того, как мы встретились в чате. Твоя «скудная» жизнь была лишь ожиданием того, что кто-то наконец придет и спасет тебя, как принцессу из пыльной башне, затянутой паутиной.

— Это не так! — ее голос сорвался на крик. — Ты видишь только то, что тебе хочется видеть!

Он подошел вплотную и наклонился к ее лицу, его голос стал мягким, как бархат:

— Тише-тише... не будь такой шумной. Расскажи мне... что там было написано про потерю контроля? Давай проверим, насколько твои фантазии совпадают с реальностью.

Ян стоял перед ней, засунув руки в карманы брюк, само воплощение спокойствия и превосходства. Его взгляд, казалось, проникал под кожу, вытаскивая на свет самые сокровенные мысли, которые она так тщательно прятала от чужих глаз.

— Ты выглядишь так, будто я загнал тебя в угол, Элис, — тихо произнес он, делая шаг назад, чтобы дать ей мнимое пространство. — Но я человек слова. Давай заключим сделку. Ты признаешь правду. Не ту, которую ты говоришь коллегам или детям в школе. А ту, что написана в этой тетради.

Он указал подбородком на дневник.

— Признай, что ты затеяла тот спор в чате не ради морали. Признай, что когда я взломал твою дверь, в глубине души ты почувствовала не только страх, но и облегчение. Признай, что

ты хотела, чтобы кто-то вроде меня пришел и забрал у тебя право решать. Скажи это — и я уйду. Прямо сейчас. Клянусь.

Элис смотрела на него, тяжело дыша. В комнате пахло озоном после грозы и её собственным страхом. Подвох ощущался почти физически — как тонкая леска, натянутая прямо перед её горлом. Стоило сделать шаг, и ты рискуешь остаться без головы. Ян не был из тех, кто просто уходит. Он был собственником, а собственники не бросают добычу, когда она сама прыгает в руки.

«Если я скажу это, он уйдет. Школа будет в безопасности. Я останусь одна... в своей пустой, спокойной квартире», — пронеслось у неё в голове.

Она сжала кулаки, чувствуя, как влажные волосы холодят спину. Ловушка была в том, что, признав это, она навсегда потеряла бы право считать себя жертвой. Она стала бы соучастницей его безумия.

— Ты... ты хочешь, чтобы я сказала это? — её голос был едва слышным. — Чтобы я дала тебе оправдание для всего, что ты сделал?

— Мне не нужны оправдания, Элис, — Ян усмехнулся, и в его глазах вспыхнул опасный азарт. — Мне нужна ты — настоящая. Твои рыжие кудри, за которыми ты прячешь лицо, и твои зеленых глаз, которые пытаются казаться невинными. Ну же. Одно предложение. «Я хотела, чтобы ты пришел».

Элис сделала шаг к нему. Её сердце колотилось так сильно, что казалось, оно сейчас сломает ребра. Адреналин, о котором он говорил, заставлял её кожу гореть.

— Я... — она запнулась, глядя в его темные, выжидающие глаза. — Я ненавижу тебя за то, что ты делаешь. Но ты прав. Я написала это в дневнике. Я искала искру в этой серой жизни.

Она сделала еще один вдох, чувствуя, как мир вокруг рушится.

— Да. В какой-то своей части... в самой темной и большой... я хотела, чтобы кто-то вроде тебя нашел меня.

Ян не пошевелился. Он стоял неподвижно, смакуя каждое её слово. В комнате воцарилась оглушительная тишина. Она продолжила:

— Но ты ненормальный, Ян. Ты мог бы дарить чувство защищенности тем, кто был бы рядом. А вместо этого — доводишь до паники.

— Как душещипательно, — наконец произнес он, и его голос стал вибрирующим, почти нежным. — Но ты всё же это сказала.

Он медленно подошел к двери спальни и... закрыл её на защелку. Затем повернулся к ней, и его лицо осветила самая хищная улыбка, которую она видела в своей жизни.

— Но знаешь, милая моя Элис. Я никогда не уйду от того, что принадлежит мне. Особенно когда оно само признает свою принадлежность. — Ян говорил с детским восторгом. — Ты думала, что сможешь откупиться от меня правдой? Теперь ты узнаешь, что бывает с теми, кто пытается манипулировать мной.

Его слова хлестнули по щекам жестокой реальностью. Элис почувствовала, как земля уходит из-под ног: она только что отдала ему последнее оружие — свою честность, а он перевернул все в свою пользу, продолжая игру, в которой на кону стояла ее гордость.

— Ты... ты же обещал! — выдохнула она, отступая, но упираясь спиной в холодную стену.

Ян лишь коротко и сухо рассмеялся, сокращая расстояние между ними в один широкий шаг.

— Я обещал, что уйду, если ты признаешь правду. Но ты не просто признала её, Элис. Ты признала, что ждала меня. А я не оставляю своих поклонниц разочарованными. Ты хотела маньяка из чата? Ты его получила.

Прежде чем она успела возразить или оттолкнуть его, Ян подхватил её на руки с пугающей легкостью. Элис вскрикнула, инстинктивно обхватив его за шею, чтобы не упасть, и тут

же пожалела об этом — это выглядело как объятие, как ещё одно молчаливое согласие. Халат соскользнул с её плеча, обнажая бледную кожу, покрытую мурашками.

Он нес её к кровати не как любовник, а как ее хозяин. Его шаги были тяжелыми и властными. Опустив Элис на мягкое покрывало, он не отстранился, а навис сверху, блокируя любое движение своими руками.

— Теперь, когда мы покончили с честностью, давай перейдем к практике, — прошептал он ей в самые губы, и его карие глаза в полумраке казались почти черными. — Ты ведь хотела острых ощущений? Тех, от которых перехватывает дыхание и немеют кончики пальцев? Я подарю тебе столько, сколько ты сможешь вынести. И даже чуть больше.

Он потянулся к карману своих брюк, не разрывая зрительного контакта. В его руке оказался шелковый галстук.

Глядя на черный шелк, зажатый в его пальцах, Элис почувствовала, как по телу прошла электрическая судорога. Её состояние балансировало на грани обморока и сверхчувствительности. Она слышала каждый шорох: как за окном капли дождя разбиваются о стекло, как тяжело и ритмично бьется сердце Яна, и как едва уловимо шуршит шелк в его руках.

Её кожа, покрытая веснушками, казалась ей сейчас обнаженным нервом. Когда он прошептал про «немеющие кончики пальцев», Элис с ужасом осознала, что это уже происходит. Холодная волна онемения поднималась от кистей к плечам, оставляя после себя лишь странное, тягучее покалывание.

Её зрачки расширились, почти полностью затопив зелень мха в глазах. Она смотрела на галстук так, словно это была ядовитая змея, готовая обвиться вокруг её запястий. В голове билась только одна мысль: «Это происходит на самом деле. Это не кошмар, от которого можно проснуться».

Она хотела отшатнуться, но её тело словно предало её, пригвожденное к месту его тяжелым, жилистым телом. Ян был прав — дыхание перехватило так сильно, что в груди начало саднить от нехватки кислорода. Она приоткрыла рот, пытаясь сделать вдох, но в горле стоял ком.

Шок смешивался с каким-то постыдным, пугающим любопытством, которое она ненавидела в себе в эту секунду. Её «стальной стержень» не сломался, но он раскалился докрасна под этим взглядом. Она чувствовала себя хрупкой фарфоровой куклой в руках вандала, который точно знает, на какую точку нажать, чтобы она покрылась сетью трещин, но не рассыпалась в прах раньше времени.

— Ты слишком много думаешь, Элис. Твой разум пытается бороться, пока твое тело умоляет сдаться. Давай-ка на время выключим твое зрение, чтобы ты чувствовала только меня. Мой голос, мой запах, мои руки.

Он медленно сложил ткань. Элис видела, как его пальцы — пальцы пианиста или хирурга — уверенно скользят по гладкой ткани.

— Нет, Ян, пожалуйста... — сорвалось с её губ, но в этом «пожалуйста» уже не было прежней силы.

— Тише, — приказал он, мягко, но настойчиво оборачивая шелк вокруг её глаз. — С этой секунды мир для тебя перестал существовать. Есть только я. И ты непременно узнаешь, почему меня бояться... и почему от меня невозможно уйти.

Тьма накрыла её, и все остальные чувства обострились до предела. Она слышала, как шуршит его одежда, как прерывисто звучит её собственное дыхание и как Ян, склонившись к её уху, развязывает пояс ее халата, чувствовала запах дорогого парфюма и кожи, и, самое главное — ощущала его абсолютную, подавляющую власть.

Ян действовал методично, как хирург своего собственного порочного удовольствия. Он использовал ограничение движений, фиксируя её руки и заставляя её чувствовать себя полностью беспомощной, а затем переходил к контрастам. Резкие, отрезвляющие вспышки легкой

боли — укус, слишком сильное сжатие пальцев — мгновенно сменялись почти невыносимой лаской. Его губы и руки исследовали её тело так, словно он читал её дневник вживую, находя те самые «кнопки», о которых она боялась знать сама.

Элис боролась с собой. Она хотела ненавидеть его, хотела сопротивляться, но её тело, преданное адреналином и долгой жаждой «чего-то настоящего», сдалось первым. Ее гордость рассыпалась, когда она почувствовала, что это единственный человек, который увидел её истинную суть.

— Пожалуйста... — этот шепот сорвался с её губ, когда он на мгновение отстранился, лишая её своего тепла. — Не останавливайся...

Ян заставил её признать правду, которую она скрывала даже от самой себя.

Его имя срывалось с ее губ почти до самого утра, и когда рассвет окрасил комнату в холодные, пепельно-голубые тона, Элис лежала на измятых простынях, чувствуя во всём теле странную легкость и одновременно свинцовую тяжесть. Она смотрела в потолок, слушая, как Ян спокойно одевается. Шорох ткани, щелчок запонок, затягивание узла на галстуке — звуки возвращения маски бизнесмена.

Он подошел к кровати уже полностью собранным. Ни один мускул на его лице не выдавал того безумия, что творилось здесь ночью. Он был снова холодным, безупречным Яном Шейлом.

Ян положил на тумбочку две вещи: тонкий листок банковского чека с суммой, которая заставила бы директора школы плакать от счастья, и визитную карточку из черного картона с тисненым номером телефона.

— Твоя школа получит все, что я обещал, Элис, — произнес он своим низким, бархатистым голосом, в котором всё ещё слышались отголоски ночного собственника. — А ты получила то, что искала в своих снах.

Он наклонился и запечатлел на её лбу короткий, почти официальный поцелуй, который ощущался как горячий воск, пролитый на кожу. Она приоткрыла губы, чтобы ответить, но голос сел, а сил хватало только на то, чтобы наблюдать за ним.

— Это была только первая ночь твоей новой жизни. Приведи себя в порядок. Твоя «стабильность» закончилась.

Он дошел до двери, на мгновение задержавшись в проеме, не оборачиваясь.

— Жди моего звонка в полдень. Если телефон будет отключен — ты знаешь, что произойдет.

Дверь тихо закрылась. Элис осталась одна, проваливаясь в беспокойный сон в тишине своей квартиры, которая теперь казалась ей тесной и чужой. Она знала, что ровно в двенадцать мир снова сожмется до одного-единственного голоса в трубке. И она не сможет ему не ответить.

Глава 3: На миллион

Утро в школе «Маяк» встретило Элис суетой преподавателей и криками бегающих по коридорам детей. Она вошла в здание, стараясь держаться тени, натянув воротник кофты повыше, чтобы скрыть возможные следы от пальцев на шее. Голова гудела, а внутри было пусто и холодно — то самое чувство «послевкусия», когда реальность обрушивается на тебя всей своей тяжестью.

Элис выглядела болезненно-бледной на фоне яркого июньского солнца. На ней была объемная трикотажная кофта глубокого серого цвета, чей высокий воротник-стойка плотно облегал шею, доходя почти до самого подбородка. Несмотря на утреннюю духоту после дождя, она куталась в нее, словно в кокон.

На ней были узкие темные джинсы, которые подчеркивали ее хрупкость и тонкие лодыжки, и простые кожаные кеды. Рукава кофты она натянула до самых костяшек пальцев, скрывая мелкую дрожь в руках. Волосы, обычно рассыпанные по плечам огненным облаком, она собрала в тугий, низкий узел, стараясь придать себе максимально строгий и закрытый вид. Единственной деталью, выбивавшейся из этого аскетичного образа, были ее глаза — на их покрасневших веках не было ни капли косметики, что делало изумрудный взгляд пугающе беззащитным и прозрачным.

Она опоздала на полтора часа, еле разлепив глаза после бессонной ночи и такого короткого сна. В её прежней жизни это было бы катастрофой, поводом для долгого самобичевания. Но сейчас это казалось такой мелочью по сравнению с тем, что произошло в её спальне.

— Элис! Ты здесь! Ты не представляешь, что случилось! — Директор школы, миссис Кларк, выскочила из своего кабинета, размахивая какими-то бумагами. Её лицо покраснелось от возбуждения.

— Простите, миссис Кларк, я.. — начала было Элис, готовясь к выговору.

— О, забудь об опоздании! — Директор схватила её за руки, и Элис едва сдержала дрожь от этого контакта. — Десять минут назад из банка пришёл перевод. Миллион долларов, Элис! Миллион! Это в два раза больше, чем нам нужно на новый корпус и оборудование. И это анонимно! Просто «от друга детей». Мы спасены! Теперь никто не посмеет нас закрыть.

Миллион. Элис почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Ян не просто выполнил обещание, он перевыполнил его, словно покупая её душу по завышенному курсу. Он хотел, чтобы она видела цену своего покорения в каждом новом кирпиче этой школы, в каждой улыбке детей.

Она кивнула, выдавив из себя подобие улыбки, и поспешила в свой класс. Ей нужно было спрятаться за работой, за детскими голосами, за привычной рутинной.

«Это больше не повторится», — твердила она себе, рассаживая детей. — «Он получил, что хотел. Он купил свою игрушку и наигрался. Такие, как он, не возвращаются дважды к одной и той же жертве».

Но совесть кричала об обратном. Она переспала с незнакомцем, с кибер-сталкером, который взломал её мир. И хуже всего было то, что она всё ещё чувствовала фантомное давление его рук на своих запястьях.

На часах было 10:30. До назначенного времени оставалось полтора часа.

Каждый раз, когда в коридоре раздавался звук уведомления на чьем-то телефоне, Элис вздрагивала. Она положила свой смартфон экраном вниз на учительский стол, словно это могло защитить её от неизбежного.

«Он не позвонит. Он просто напугал меня», — думала она, глядя на маленького Томми, который сегодня был подозрительно спокоен, словно невидимая гроза действительно миновала их школу.

Но время неумолимо двигалось к полудню. Элис понимала: миллион долларов — это не подарок. Это был аванс.

Ровно в полдень раздалась мелодия и тишина в классе стала почти осязаемой. Дети, тонко чувствующие любое изменение в настроении своей любимой учительницы, замерли. Томми перестал крутить в руках карандаш и уставился на Элис своими огромными глазами.

Мелодия была не той, что стояла у неё на старом смартфоне. Это был глубокий, вибрирующий звук виолончели — властный и тревожный. Элис медленно, словно во сне, потянулась к своей сумке. Её пальцы коснулись чего-то холодного и гладкого, чего там не должно было быть.

Она вытащила абсолютно новый, флагманский смартфон в черном корпусе. Её старый телефон лежал рядом на столе, безжизненный и темный. Когда она взяла новинку в руки, экран сам вспыхнул, распознавая её лицо.

На дисплее горело одно сообщение: «Выходи на задний двор. У тебя две минуты. Если опоздаешь — миссис Кларк узнает, откуда на самом деле пришли деньги и за что».

Элис почувствовала, как по спине пробежал ледяной пот. Он не просто был рядом ночью. Он залез в её сумку, он подменил её вещи, он снова контролировал каждый её вдох.

— Дети, — голос Элис дрогнул, но она заставила себя говорить ровно. — Посидите тихо пять минут. Мисс Блейс нужно... нужно выйти по делам школы. Томми, ты за главного.

Она едва не бегом бросилась по коридору, мимо сияющей миссис Кларк, которая всё ещё обсуждала планы строительства с завхозом. Выскочив через служебный вход на задний двор, где обычно гуляли дети, Элис замерла.

Двор был пуст, если не считать черного «Порше», припаркованного прямо у пожарного выхода, нарушая все правила. Стекло со стороны водителя медленно поползло вниз. Ян выглядел пугающе безупречно для человека, который провел такую ночь. На нем была белоснежная рубашка из плотного хлопка с жестким воротничком, расстегнутым ровно настолько, чтобы не выглядеть официально, но сохранять дистанцию. Идеальная белизна ткани ослепительно контрастировала с его загорелой кожей и темным салоном автомобиля.

Поверх рубашки был накинут темно-синий пиджак индпошива из тонкой шерсти, который он не стал застегивать. Ткань мягко обрисовывала его мощные плечи, а рукава были слегка подтянуты, открывая массивные швейцарские часы на запястье — те самые, что вчера отсчитывали каждую секунду между ними.

На нем были темные очки-авиаторы в тонкой золотистой оправе. Отражая в линзах здание «Маяка» и замершую Элис, они превращали его лицо в непроницаемую маску. Он казался выходцем из другого мира — мира больших денег, власти и жестоких решений, который бесцеремонно вторгся в её тихую, пропахшую мелом и старыми книгами реальность.

Ян небрежно постукивал пальцами по кожаной обшивке руля, и в этом движении чувствовалась хищная скука человека, который приехал забрать то, что по праву принадлежит ему. Он склонил голову вперед и скользнул по ней оценивающим взглядом.

— Миллион долларов — хорошая цена за пунктуальность, не так ли? — произнес он, когда она подошла ближе. — Ты опоздала на работу, Элис. Мне не нравится, когда мои вложения ведут себя неорганизованно.

— О, простите, мой великий покровитель. Я проспала, потому что кто-то решил потешить свое эго там, где этого делать не следовало, — голос Элис прозвучал раздраженно.

Ян закатил глаза и открыл пассажирскую дверь изнутри.

— Садись. У нас мало времени, а я хочу обсудить твой новый график. Теперь твоя «стабильность» принадлежит мне не только по ночам.

— Что тебе еще нужно? Ты купил школу, ты сломал меня... что еще?

И Ян ответил:

— Я хочу, чтобы ты поехала со мной на обед.

— Обед? Серьезно?! — Элис вскинула бровь, словно не понимая, как он может себя так вести, затем смягчилась и проговорила устало, — В отличие от тебя, есть люди, которые работают, Ян. Рабочий день еще не окончен, меня ждут!

Ян медленно снял очки, и Элис увидела его глаза — в них не было сочувствия, только холодное, почти высокомерное удивление, словно она пыталась оспорить закон гравитации.

— Твоя исполнительность была бы похвальна, если бы ты всё ещё принадлежала себе, — он слегка наклонил голову, изучая её бледное лицо. — Но давай проясним ситуацию, Элис. Для этого города и для миссис Кларк я — крупнейший меценат в истории «Маяка».

Он достал из подлокотника планшет и нажал пару кнопок.

— Пока ты бежала сюда, я уже отправил директору сообщение от «доверенного лица фонда». Я сообщил, что один из наших представителей хочет забрать ведущего педагога на краткое совещание по вопросам нового оборудования. Твоя суеверная миссис Кларк уже вычеркнула тебя из графика до конца дня и, кажется, собирается выписать тебе премию за «налаживание внешних связей».

Ян хищно улыбнулся, скользнув языком по губам. От этого зрелища по спине Элис прошла волна мурашек, но она не спела понять — от страха или какого-то другого чувства.

— Так что на работе тебя не ждут. Тебя ждут в этой машине. И чем дольше ты стоишь на виду у всех окон школы, тем больше вопросов возникнет у твоих коллег.

Элис оглянулась на здание. Ей показалось, что за одним из окон действительно мелькнул силуэт директора. Ловушка захлопнулась с идеальной точностью. Ян просчитал всё: её чувство долга, её страх разоблачения и даже бюрократию школы.

— Садись, — повторил он, и на этот раз в его голосе прозвучал металл, не терпящий возражений. — Обед — это всего лишь повод. Я хочу посмотреть, как ты будешь вести себя в моем мире, когда на тебе не будет повязки и ремней, но ты всё равно будешь помнить каждое моё прикосновение.

— Надеюсь, это продлится не больше часа, — пробубнила себе под нос Элис, а Ян сделал вид, что не услышал.

Женщина, дрожа от унижения и странного, непрошеного жара в груди, сделала шаг к машине. Кожаное сиденье приняло её в свои объятия, и как только дверь захлопнулась, в салоне воцарилась тишина, отрезавшая её от криков детей и привычного мира. Ян плавно нажал на педаль газа, и спорткар бесшумно сорвался с места.

— Кстати, — бросил он, не глядя на неё, когда они выехали за ворота. — В бардачке коробка. Открой её. Это твой «дресс-код» для сегодняшнего обеда. Если ты думала, что под этим закрытым учительским одеянием ты сможешь спрятаться от меня — ты ошиблась.

Элис, борясь с сомнениями, открыла бардачок и достала небольшую бархатную коробочку. Внутри, на черном шелке, покоился узкий чокер из тончайшей черной кожи с изящным золотым замком в центре. К нему прилагался крошечный ключ на цепочке, который Ян уже держал в руке, перебирая его длинными пальцами.

— Что это? — уныло спросила она, уже догадываясь, что это значит.

— Надень, — приказал он, не отрывая взгляда от дороги. — Это не просто украшение. Это символ того, что в моем мире ты больше не можешь делать то, что тебе вздумается. Ты — моя. И каждый, кто увидит тебя сегодня, должен это чувствовать, даже если они не поймут значения этой детали.

Элис замерла, глядя на «ошейник». Он был воплощением её ночного кошмара и одновременно — темного желания, о котором он прочитал в её дневнике.

— Я не могу... — прошептала она. — Люди в ресторане... они увидят.

— Они увидят дорогую вещь на красивой женщине, — отрезал Ян. — А ты будешь чувствовать его холод при каждом глотке воды, при каждом слове. Он будет напоминать тебе, кому

принадлежит твой голос. Надень его, Элис. Или я остановлю машину прямо здесь, на обочине, и сделаю это сам. Выбирай.

Элис знала, что он не шутит. Ян Шейл не бросал слов на ветер. Она медленно подняла руки, чувствуя, как мешает воротник кофты. Кожа чокера была прохладной и пугающе мягкой. Когда она застегнула его, Ян протянул руку и коротким движением защелкнул замок. Тихий щелчок прозвучал в салоне как окончательный приговор её свободе.

— Умница, — его голос стал на тон мягче, что было еще опаснее его гнева. — Ключ останется у меня. Теперь мы можем пообедать.

Он подкатил машину к входу в один из самых дорогих ресторанов города, где у входа уже стоял швейцар. Ян вышел, обошел машину и открыл дверь перед Элис, подавая ей руку. Его хватка была собственнической, не оставляющей шанса отстраниться.

Когда они вошли в залитый светом зал, Элис казалось, что все смотрят только на её шею. Она чувствовала, как чокер слегка сжимает горло при каждом вдохе, напоминая о том, кто ведет её за руку.

Ян усадил её за столик в глубине зала, скрытый от лишних глаз декоративными растениями, и, даже не глядя в меню, заказал вино.

— У тебя такой вид, будто ты ждешь казни, Элис, — Ян наклонился к ней, его карие глаза хищно блестели. — Расслабься. Ты ведь хотела «острых ощущений». Выбирай всё, что захочешь, я оплачу.

Официант бесшумно поставил перед ними два бокала из тончайшего хрусталя и наполнил их ледяным вином. Ян внимательно наблюдал, как капли конденсата медленно стекают по стеклу, прежде чем снова перевести взгляд на Элис.

— Я не голодна, — тихо произнесла она, глядя куда-то в сторону густых листьев монстеры. Горло всё еще саднило, и мысль о еде казалось кошунственной.

— Ошибаешься. Твоему телу нужны силы, чтобы выдержать то, что я запланировал на вечер, — Ян едва заметно усмехнулся и сделал знак официанту. — Принесите тартар из тунца с цитрусовым понзу и каре ягненка в травяной корочке. Для дамы — салат с перепелиными яйцами и трюфельным маслом. И принесите это быстро.

Когда официант исчез, Элис наконец решила посмотреть ему в глаза.

— Ты наслаждаешься этим, верно? Тем, как я съезживаюсь под твоим взглядом? Как этот... — она запнулась, коснувшись пальцами ленты на шее, — этот ошейник напоминает мне о моем позоре?

— Позоре? — Ян пригубил вино, смакуя вкус. — Элис, ты слишком драматична. Ты называешь это позором, я называю это честной сделкой. Посмотри вокруг. Эти люди здесь — они все что-то продают и покупают. Свои принципы, время, тела. Разница лишь в том, что твоя цена спасает жизни. Разве это не делает тебя святой в твоих собственных глазах?

— Святые не чувствуют того, что чувствую я, когда ты рядом, — выплюнула она.

— А что ты чувствуешь? Страх? Или, может быть, то самое предательское возбуждение, которое ты так отчаянно пытаешься скрыть за своей серой кофтой?

В этот момент принесли закуски. На белоснежной тарелке перед Элис лежали тонкие ломтики нежного мяса, украшенные лепестками цветов и золотистым маслом. Аромат трюфеля был густым и дурманящим.

— Ешь, — приказал он, и в его голосе не осталось места для спора. — Острые ощущения требуют энергии.

Элис дрожащей рукой взяла вилку. Каждый кусочек казался ей безвкусным, несмотря на изысканность кухни. Она механически жевала, чувствуя, как Ян медленно разделяет свой тартар. Его движения были точными, выверенными.

— Знаешь, что самое забавное? — он откинулся на спинку стула, наблюдая, как она послушно глотает еду. — Ты думала, что «Маяк» — твоя крепость. Но теперь, когда я вложил

туда деньги, этот «Маяк» принадлежит мне так же, как и ты. Если я захочу, я сделаю его лучшим местом на земле. Если ты разочаруешь меня сегодня... я превращу его в руины за один час.

Элис замерла с поднятым бокалом. Вино в нем колыхнулось.

— Ты не сделаешь этого. Там дети.

— Проверь меня, лисичка, — Ян наклонился еще ближе, так что она почувствовала тепло его дыхания. — Но я бы не советовал. Лучше допей вино и расскажи мне, каково это — сидеть здесь, среди элиты города, зная, что на твоей шее замок, ключ от которого лежит в моем кармане?

Элис отвела глаза, серьезно размышляя над тем, что ему ответить, как Ян внезапно выпрямился, его взгляд зафиксировался на группе мужчин в дорогих костюмах, занимавших центральный стол. Его губы тронула та самая расчетливая усмешка, от которой у Элис по спине пробежал холод.

— Какая удача, — произнес он, не сводя глаз с цели. — Видишь того человека с седыми висками? Это Роберт Грей. Мой конкурент и человек, который до смерти дорожит своей репутацией «примерного семьянина». Он считает меня слишком молодым и неуправляемым. Давай покажем ему, насколько я умею... управлять.

Он перевел взгляд на Элис, и его глаза потемнели.

— Боже... — бессильно выдохнула женщина, чувствуя себя не в своей тарелке.

— Встань. Мы подойдем и поздороваемся. Ты будешь мило улыбаться и играть роль моей «особенной протезе». Но помни: если ты хотя бы попытаешься снять руку с моей ладони или опустишь голову, чтобы скрыть замок на шее — завтра Роберт Грей выкупит здание твоей школы под снос. Он давно этого хочет, а я теперь единственный, кто стоит у него на пути.

Элис почувствовала, как во рту пересохло. Это был не просто обед. Это была демонстрация силы, которая в огромной концентрации источалась этим человеком.

Ян поднялся и, не дожидаясь согласия, властно взял её за локоть, заставляя подняться. Когда они подошли к столу Грея, разговоры затихли. Мужчины смерили Яна оценивающими взглядами, но их внимание быстро переключилось на Элис. Она стояла слишком близко к Шейлу — вызывающе близко для простого обеда.

— Роберт, — голос Яна звучал как патока, скрывающая яд. — Не мог пройти мимо и не представить тебе Элис Блейс. Она — душа того благотворительного проекта, в который я вложил миллион на этой неделе. Согласись, у неё редкий вкус к... деталям.

Ян намеренно положил руку ей на плечо, чуть сместив воротник её свитера вниз. Золотой замок на черном кожаном чокере блеснул под софитами ресторана прямо перед глазами Грея. Пожилой бизнесмен на мгновение запнулся, переводя взгляд с украшения на испуганные, но полные вызова зеленые глаза Элис.

— Рад знакомству, мисс Блейс, — медленно произнес Грей, его голос стал сухим. — Ян, не знал, что твои «благотворительные проекты» требуют такого... плотного личного сопровождения.

— О, Роберт, ты даже не представляешь, насколько плотного, — Ян сжал её плечо чуть сильнее, давая понять, что наступила её очередь говорить. — Скажи, Элис, тебе ведь нравится моя опека?

Элис почувствовала, как под взглядом Грея по её коже пробежал мороз. Секунды тишины тянулись бесконечно. Она видела, как Ян едва заметно наклонил голову, наблюдая за ней, словно ученый за подопытным в клетке.

— Мистер Шейл... очень убедителен в своих методах поддержки, — произнесла она. Голос прозвучал на удивление твердо, хотя внутри всё дрожало и она чувствовала себя униженно. — Иногда его забота бывает... всепоглощающей. Но результат для школы того стоит.

Она попыталась улыбнуться, но Грей был опытным игроком. Его взгляд упал на её ладонь, которая так сильно сжимала край сумочки, что костяшки пальцев побелели, а сама рука мелко вибрировала. Затем он снова посмотрел на чёрную кожу чокера, впивающуюся в её нежную шею. Для него, человека старой закалки, этот аксессуар в сочетании с её состоянием выглядел однозначно.

— Убедителен, значит? — Грей прищурился, проигнорировав Яна, и сделал шаг ближе к Элис. — Знаете, мисс Блейс, в моем возрасте начинаешь ценить не только щедрость, но и добровольность. Ваша рука дрожит. Вам точно не нужна помощь? Прямо сейчас?

Воздух между мужчинами мгновенно наэлектризовался. Ян не шелохнулся, но Элис почувствовала, как его пальцы на её плече превратились в стальные когти. Его спокойствие стало пугающим предвестником шторма.

— Помощь, Роберт? — голос Яна стал неестественно тихим, лишенным всяких эмоций. — Ты предлагаешь помощь моей спутнице в моем присутствии? Это звучит почти как оскорбление.

Ян сделал полшага вперед, закрывая Элис своим телом от Грея, но не выпуская её плеча. Он посмотрел на старика сверху вниз с такой ледяной яростью, что даже собеседники Грея за столом невольно отодвинулись.

— Элис находится под моей полной протекцией. Юридической, финансовой и... личной. Если тебе кажется, что её дрожь — это призыв о спасении, то ты просто забыл, как выглядит настоящий восторг от соприкосновения с истинной силой.

Ян наклонился к самому лицу Грея, понизив тон до опасного шепота:

— Не лезь в мои инвестиции, Роберт. Ни в строительные, ни в человеческие. Иначе завтра твоя «примерная репутация» рассыплется от одного моего звонка в прессу с парой интересных фотографий из твоего прошлого.

— Как скажешь, мистер Шейл, — голос Грея прозвучало тихо, он поднял руки в примитивном жесте и отступил ближе к столу.

Ян резко развернул Элис к выходу.

— Обед окончен. Нам здесь больше не рады, — бросил он, буквально увлекая её за собой через зал.

Элис молча последовала за Яном, чувствуя, как тревога плотно взяла ее в тиски. Как только они вышли на улицу к ожидавшему «Порше», Ян открыл дверь перед ней, но затем рывком прижал её к нагретому солнцем металлу машины. Его лицо было в сантиметре от её, и в его глазах пылало то самое безумие, которое она видела ночью.

— Ты позволила ему сомневаться, — прошипел он, его рука скользнула к её шее, пальцы коснулись золотого замка. — Ты заставила его думать, что я не контролирую ситуацию. Теперь ты узнаешь, что бывает, когда твоя слабость ставит под удар мою репутацию.

Он видел её искренний ужас и вместо агрессии проявил лишь холодное равнодушие.

— Ты не справилась. Считай, что этот миллион был прощальным подарком школе. Снимаю чокер и ухожу.

Слова Яна прозвучали как удар хлыстом, но без привычной горячей боли — это был ледяной, обесценивающий холод. В его глазах больше не было огня собственности, только пустое безразличие, которое ранило Элис сильнее, чем его ночная ярость. Он смотрел на неё как на бракованный товар, который внезапно перестал представлять интерес.

— Ян, подожди... — Элис судорожно вздохнула, её голос дрожал от смеси унижения и паники. — Ты не можешь просто так... Миллион? Ты сказал, что это подарок, но без твоего дальнейшего участия «Маяк» закроют через месяц!

Ян медленно надел очки, скрывая глаза. Его губы тронула ледяная, почти сочувственная усмешка.

— Это уже не мои проблемы, Элис. Ты хотела быть героиней, которая жертвует собой, но при этом не смогла даже скрыть дрожь в руках перед официантом. Ты подвела меня. Ты заставила их думать, что я взял с собой на обед напуганного ребенка, а не женщину, которая принадлежит мне по праву.

— Я старалась! — она почти крикнула, впившись пальцами в ворот своей кофты. — Ты забрал у меня всё за одну ночь! Ты ждал, что я буду смеяться и вести светские беседы, пока ты держишь меня на поводке?

Ян открыл водительскую дверь, не глядя на неё.

— Я ждал послушания и восторга в твоих глазах. Ты не дала ни того, ни другого.

— Ян! — она схватила его за рукав пиджака, забыв о страхе. — Пожалуйста. Дети не виноваты в том, что я... что я слабая. Возьми меня обратно. Сделай что хочешь, накажи меня, но не лишай школу поддержки. Ты же обещал!

Он медленно повернул голову, глядя на её руку на своем рукаве. Его лицо оставалось маской безразличия.

— Ты хочешь наказания? — его голос стал низким, опасным. — Ты просишь меня вернуться к сделке, которую ты сама же и провалила?

— Да, — прошептала она, и слеза всё-таки скатилась по её щеке. — Любое условие. Только не уходи.

— Снимай, — повторил он, отстраняясь. Его взгляд стал абсолютно пустым, словно она в одно мгновение превратилась для него в неодушевленный предмет. — Я не трачу время на тех, кто не умеет держать лицо.

Когда он протянул ей ключ на ладони, её пальцы дрожали так сильно, что она едва смогла его подцепить. Металл ключа казался раскаленным. Элис вставила его в крошечную скважину замка на шее, услышала сухой щелчок и почувствовала, как кожа на горле наконец-то начала дышать. Она швырнула чокер на кожаное сиденье — этот символ её позора и странного, пугающего возбуждения.

— Подавись своим миллионом, — выдохнула она, хотя голос сорвался.

Она оттолкнулась от «Порше», и звук захлопнувшейся двери эхом отразился от стен ресторана. Элис не оглядывалась. Она почти бежала прочь по тротуару, чувствуя себя так, словно с неё заживо содрали кожу.

«Чокнутый. Больной. Психопат», — пульсировало в голове в такт шагам. — «Это закончилось. Всё закончилось. Он сам меня отпустил».

Добежав до ближайшей остановки, она спряталась за рекламным щитом, кутаясь в кофту, которая теперь казалась ей слишком тонкой и неспособной защитить от мира. Мимо проносились машины, и каждый раз, когда она видела черный силуэт в потоке, её сердце пропускало удар.

Она чувствовала себя так, будто её вывернули наизнанку и бросили. Свобода, которой она так жаждала, теперь ощущалась как грязная, липкая пустота. Она спасла школу, она выкупила жизни детей ценой своей ночи и своей гордости, но почему-то триумфа не было.

Подъехал автобус. Элис вошла в салон, забилась в самый угол у окна и прижала лоб к холодному стеклу. В кармане завибрировал её новый телефон — тот самый, подарок Яна.

Она достала его, намереваясь выбросить в окно на ближайшем мосту, но экран уже светился. Сообщения не было. Было уведомление от банковского приложения её школы, к которому у неё был гостевой доступ.

«Транзакция отменена. Возврат средств отправителю: 1 000 000 \$. Причина: технический сбой/отзыв платежа».

Элис похолодела. Ян не просто «подарил» эти деньги. Он оставил за собой право забрать их в ту же секунду, как она выйдет из машины. Её жертва только что стала бессмысленной.

Школа снова была под ударом, а миссис Кларк, вероятно, сейчас билась в истерике, видя, как исчезает их мечта.

В этот момент телефон снова ожил. Входящее сообщение. На экране не было имени, только черная иконка лисы.

«Свобода стоит дорого, Фох. Я просто выставил тебе счет за твой хлопок дверью».

Слезы подступили к горлу, а воздуха стало катастрофически не хватать. Она набрала сообщение дрожащими руками:

«Ты заплатил за ночь, которую провел в моей квартире. Не будь последним подонком, который не держит слова.» Она с яростью бросила телефон в сумку и сжала переносицу.

Телефон в сумке завибрировал снова, но Элис не достала его. Она сидела в автобусе, вцепившись в поручень так, что побелели костяшки пальцев. Ярость внутри неё боролась с удушью отчаянием. Она действительно верила, что её тело и её гордость — это равноценная валюта для такого человека, как Ян Шейл. Но для него это была не сделка. Это была аренда.

Автобус остановился на её остановке. Элис вышла, едва переставляя ноги. Каждый шаг к дому казался движением к эшафоту. Она представляла лицо миссис Кларк, представляла Томми и других детей, которые завтра узнают, что чуда не произошло.

Когда она подошла к своему подъезду, телефон зазвонил снова. На этот раз вибрация была долгой, настойчивой. Элис рванула молнию сумки, выхватила аппарат и, не глядя, прижала к уху.

— Ты обещал! — выкрикнула она, сорвавшись на плач. — Ты забрал всё, что мог! Зачем тебе ломать жизни детей? Это... это низость, даже для тебя!

— «Заплатил за ночь»? — в трубке раздался его голос, пугающе спокойный, почти скупающий. — Ошибаешься, Элис. Ночь была бесплатным пробным периодом. Твоим собственным желанием, которое ты признала вслух. А миллион... миллион — это абонентская плата за лояльность.

Она услышала, как он затягивается сигаретой.

— Ты хлопаешь дверью и бежишь на автобус, думая, что можешь диктовать мне условия? Послушай меня внимательно, Фох. Посмотри в окно своего подъезда на втором этаже. Прямо сейчас.

Элис подняла голову, задыхаясь от рыданий. Она стояла у входа в дом. Свет в её квартире на втором этаже горел, но она точно помнила, что выключала его утром.

— Я не подонки, Элис, — прошептал Ян, и в его голосе прорезалась та самая темная бархатистость. — Я — владелец. А владельцы всегда возвращаются за тем, что бросили в спешке. Деньги вернутся в школу через пять минут после того, как ты откроешь свою входную дверь. Я жду внутри.

Связь прервалась.

Элис стояла перед дверью подъезда, прижимая телефон к груди. В её голове билась только одна мысль: он снова там. Он в её крепости, в её единственном убежище. И у неё в руках телефон, на котором вот-вот должно всплыть уведомление о зачислении миллиона долларов.

Ноги казались налитыми свинцом, когда Элис переступала порог подъезда. Она чувствовала себя марионеткой, нити которой Ян Шейл натянул так туго, что они впивались в самое мясо.

У своей двери она замерла. Рука с ключом дрожала. Элис знала: стоит повернуть замок, и она добровольно закроет за собой клетку. Она посмотрела на экран телефона. 15:45. В ту же секунду всплыло сообщение от банковского приложения:

«Пополнение счета: 1 000 000 \$. Отправитель: S-Holdings».

— Цена назначена, — прошептала она пересохшими губами. — И я её приняла.

Она повернула ключ. Дверь открылась бесшумно — Ян явно позаботился о том, чтобы смазать петли, пока её не было. В квартире пахло сандалом и мускусом, которыми был пронизан его парфюм, и каким-то пугающим ощущением власти.

Ян сидел в её любимом кресле, закинув ногу на ногу. В его руках был тот самый кожаный чокер, который она бросила в машине. Он лениво вертел его, и золотой замок поблескивал в свете лампы.

— Ты опоздала на семь минут, — произнес он, не поднимая глаз. — Но деньги уже на счету. Я решил проявить щедрость в кредит, зная, что ты отработаешь каждую секунду своего промедления.

Элис закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Она не плакала — слез больше не осталось, только выжженная пустыня внутри.

— Что теперь? — спросила она. — Ты будешь приходить сюда каждый день? Ты превратишь мою жизнь в этот бесконечный кошмар с замками и проверками?

Ян поднялся. Медленно, хищно он сократил расстояние между ними. Он не стал хватать её. Вместо этого он поднял руку и нежно провел тыльной стороной ладони по её щеке, спускаясь к шее, где всё ещё алел след от ошейника.

— Кошмар, Элис? — он наклонился, и его дыхание опалило её губы. — Нет. Это твоя новая реальность. Ты сама сказала, что хотела искру. Я подарю тебе пожар. Теперь ты будешь жить по моему расписанию. Твой телефон, твои мысли, твоё тело — всё это теперь синхронизировано со мной.

Он протянул ей чокер.

— Надень его. И на этот раз застегни сама. Покажи мне, что ты приняла правила игры. Если я увижу на твоей шее хотя бы царапину от попытки его снять... школа сгорит не в переносном смысле, Элис.

Элис смотрела на черную полоску кожи. Она понимала, что это начало конца её прежней личности. Где-то там, в зеркале, всё ещё была учительница Элис Блейс, но здесь, перед Яном, оставалась только Fox.

Ян не стал бросать её на кровать или продолжать физическую экзекуцию. Вместо этого он сел за её небольшой кухонный стол, открыл принесенный с собой ноутбук и погрузился в работу. Его сосредоточенность была абсолютной, словно Элис была лишь предметом мебели.

— Сядь здесь, — бросил он, указав на пол у своего кресла. — И не смей мешать мне.

Элис подчинилась. Она опустилась на ковер, прижавшись плечом к его колену. На её шее снова был чокер — она застегнула его сама, чувствуя, как с каждым щелчком замка её прошлая жизнь уходит всё дальше.

Тишина в квартире стала невыносимой. Слышен был только мерный стук клавиш и её собственное прерывистое дыхание. Прошел час, затем второй. Ян не смотрел на неё, не заговаривал, даже не касался её волос. Он просто был рядом, заполняя собой всё пространство.

Для Элис эта тишина была хуже криков. Бездействие заставляло её мысли вращаться по кругу, возвращаясь к его рукам, к его запаху, к тому пугающему чувству защищенности, которое — как она с ужасом осознавала — начинало прорастать сквозь страх. Она была как натянутая струна: каждое движение Яна, каждый его вздох заставлял её вздрагивать.

— Ты слишком громко думаешь, — наконец произнес он, не отрываясь от экрана. — Твоё тело буквально вибрирует от напряжения. Ты ждешь, когда я сорвусь? Или ты ждешь, когда я тебя коснусь?

Он на мгновение перестал печатать и положил руку на её макушку. Не сжал, не потянул — просто накрыл тяжелой, теплой ладонью, заземляя её.

— Это твой главный урок на сегодня: я владею тобой, даже когда не трогаю тебя. Моё присутствие должно быть для тебя важнее воздуха. Сиди тихо. Мне нужно закончить отчет, а тебе — привыкнуть к тому, что ты больше никогда не будешь одна.

Элис закрыла глаза, уткнувшись лбом в его колено. Она ненавидела его за то, что в этой унижительной позе, у ног человека, который разрушил её мир, она внезапно почувствовала странное, болезненное успокоение. Гроза стихла, хищник был сыт и спокоен, и пока она оставалась на своем месте — она была в безопасности.

Глава 4: Утро нового дня

Рассвет застал их в той же позе: Ян, уснувший прямо в кресле над ноутбуком, и Элис, положившая голову на его колено. Ян проснулся в непривычно мягком настроении и решил приготовить завтрак. Пока женщина принимала душ, он бесцеремонно залез в шкаф с одеждой и принялся искать новый наряд для неё. Его тонкие пальцы скользили по легким платьям, приоткрыли ящик с нижним бельем, ощупав кружева разных цветов, а затем, наконец найдя что-то приемлемое, оставили кусочек ее личной жизни в покое. Ян вальяжно направился на кухню, чтобы завершить то, что задумал.

Когда Элис вышла из душа, кутаясь в полотенце, она замерла на пороге кухни. Запах свежесваренного кофе и поджаренных тостов заполнял квартиру, но этот уютный, почти семейный аромат казался ей зловещим. Ян стоял у плиты, закатав рукава рубашки. Он что-то негромко напевал себе под нос — мелодия была легкой, джазовой, и это контрастировало с образом ночного монстра так сильно, что у Элис закружилась голова.

— Доброе утро, — произнес он, не оборачиваясь, словно чувствовал её присутствие кожей. — Кофе почти готов. Садись.

Его голос больше не резал сталью, в нем слышалась мягкая утренняя хрипотца. Он повернулся и улыбнулся ей — искренне, тепло, как будто вчера не было ни ремня, ни отозванного миллиона, ни унижительного признания. Эта «нормальность» пугала Элис до дрожи. С жестоким Яном она знала, как бороться, знала, чего бояться. Но этот заботливый мужчина был еще более опасным манипулятором.

— Я... мне нужно одеться, — пробормотала она, стараясь не смотреть на завтрак.

— О, я уже об этом позаботился, — Ян кивнул в сторону комнаты.

Элис зашла в спальню и обнаружила, что дверцы её шкафа распахнуты. Ян перерыл её вещи с таким же энтузиазмом, с каким взломал её жизнь. На кровати лежал наряд, который он выбрал для неё: изумрудное шелковое платье-комбинация и строгий приталенный жакет. Рядом лежала коробочка от чокера. Элис спешно оделась, стараясь не думать о том, что он может войти в комнату в любой момент.

— Твои обычные свитера слишком закрытые, Фох, — раздался его голос за спиной. Он стоял в дверях, прислонившись к косяку. — Я хочу видеть твою шею. И я хочу, чтобы ты чувствовала шелк на своей коже весь день. Это будет напоминать тебе о том, как я касался тебя.

Он подошел к ней, взял жакет и помог ей накинуть его на плечи, нарочно задевая участки кожи, которые не скрывала ткань. Его пальцы скользнули по её ключицам, задерживаясь на замке ошейника.

— Ты выглядишь великолепно. Как настоящая королева, которая принадлежит королю, — прошептал он, целуя её в висок. — Сегодня я сам отвезу тебя в школу. И я буду ждать тебя в четыре. Ровно в четыре, Элис.

Она смотрела на себя в зеркало. В изумрудном шелке и с черным клеймом на горле она выглядела дорогой, изысканной... и совершенно сломленной. Ян кормил её с рук, одевал её как куклу, и эта нежность была самой крепкой цепью из всех возможных.

— Почему ты это делаешь? — спросила она, глядя на его отражение. — Зачем эта игра в завтраки и заботу?

Ян прижал её к себе со спины, положив подбородок ей на плечо.

— Потому что я не хочу, чтобы ты просто подчинялась, Элис. Я хочу, чтобы ты меня полюбила. И когда это случится — а это случится — твоя свобода станет тебе не нужна.

Весь день Элис чувствовала себя так, будто находилась под прицелом. Стоило ей подойти к окну, чтобы проветрить класс, как взгляд неизбежно падал на ту сторону улицы. Черный «Порше» Яна стоял там, застыв как хищник в засаде. Стекла были наглухо тонированы, но

Элис казалось, что она кожей чувствовала его взгляд, прошивающий стены школы, раздевающий её под изумрудным шелком, проверяющий, на месте ли его замок.

Это присутствие сводило с ума. Дети что-то спрашивали, Томми просил помочь с задачей, а Элис отвечала на автомате, то и дело поправляя жакет, который казался ей слишком тонким.

В обеденный перерыв, когда учителя собрались в своей небольшой комнате отдыха, дверь распахнулась. Вошел курьер, едва удерживая в руках колоссальный, почти неприлично огромный букет белоснежных лилий. Аромат цветов — густой, сладкий, до тошноты тяжелый — мгновенно заполнил тесное помещение.

— Для мисс Блейс, — объявил парень.

Учительская замерла. Миссис Кларк, всё еще пребывающая в эйфории от вчерашнего миллиона, так и застыла с чашкой чая.

— Элис? О боже, какая красота! — ахнула одна из коллег. — Это от нашего таинственного мецената?

Элис подошла к букету, чувствуя, как лицо заливают краска — не от радости, а от жгучего стыда. Среди лепестков белел небольшой конверт. Она вскрыла его, и почерк Яна — размашистый, уверенный, властный — ударил по глазам:

«Считаю минуты до четырех. Твой Я.»

— Оу-у-у, — протянули за спиной коллеги. — «Твой Я»? Элис, кажется, у тебя появился очень серьезный поклонник. И, судя по букету, он не привык отказывать себе в желаниях.

— Это... это просто вежливость, — выдавила Элис, пытаясь спрятать записку в карман жакета. — Благодарность за сотрудничество со школой.

— Вежливость не присылает лилии стоимостью в твою месячную зарплату, — подмигнула миссис Кларк. — Иди, дорогая, поставь их в вазу. Но учти, четыре часа уже скоро. Твой «рыцарь» явно не любит ждать.

Элис вышла в коридор, прижимая к себе охапку цветов. Лилии кололи её, а их запах душил. Она посмотрела в окно — машина всё еще была там. Ян не просто прислал цветы, он пометил территорию. Он заставил всю школу стать свидетелями её «романа», отрезая ей пути к отступлению. Теперь для всех она была не просто учительницей, она была женщиной Яна Шейла.

На часах было 15:30.

Она вернулась в класс. Последние полчаса тянулись как вечность. Чокер под воротником жакета стал горячим, словно раскалился от её волнения. Ровно в 15:55 она увидела, как дверь черного авто открылась, и Ян вышел наружу. Он небрежно прислонился к капоту, поглядывая на часы, и весь его вид говорил: «Время почти вышло, Fox».

Он встретил её у ворот школы, не сказав ни слова, просто открыл дверь автомобиля, и Элис, под любопытными взглядами коллег, выглядывавших из окон, села внутрь. Запах лилий, казалось, преследовал её даже здесь, смешиваясь с дорогим парфюмом Яна.

— Ты выглядишь бледной, лисичка, — заметил он, плавно выезжая с парковки. — Работа в школе высасывает из тебя жизнь. Мы это исправим.

Они приехали в самый дорогой торговый центр города, где вход был только по записи, а витрины сверкали чистотой и холодом. Ян вел её мимо рядов вешалок, не глядя на ценники. Он выбирал вещи стремительно: тончайший шелк, глубокое декольте, кожа, кружево. Никаких свитеров, никакой шерсти, никакой привычной и уютной одежды.

— Иди в примерочную, — приказал он, передав охапку вешалок подобострастно кланяющейся консультантке. — И не задергивай штору до конца. Я хочу видеть, как на тебе сидит то, что я подобрал.

Элис зашла в кабинку, чувствуя себя выставленной на торги. Первым было черное платье с открытой спиной. Когда она вышла, Ян сидел в кожаном кресле напротив, медленно потяги-

вая принесенный ему напиток. Его взгляд прошелся по её фигуре, задерживаясь на каждой складке ткани.

— Слишком закрыто спереди, — вынес он вердикт. — Следующее.

Она переодевалась снова и снова. Красное, белое, почти прозрачное... Под его пристальным, тяжелым взглядом она чувствовала себя более обнаженной, чем если бы на ней совсем ничего не было. Ян не просто подбирал одежду — он стирал её индивидуальность, заменяя её своим вкусом.

— Вот это, — произнес он, когда она вышла в платье из темно-синего атласа, которое держалось на тонких, как нити, бретельках.

Он поднялся, подошел к ней вплотную и развернул её к зеркалу. Его руки легли ей на плечи, намеренно касаясь обнаженной кожи.

— Посмотри на себя. Видишь эту женщину? Она не проверяет тетради до полуночи. Она не мечтает о стабильности. Она создана для того, чтобы ею восхищались, её желали... и чтобы она знала, кому принадлежит этот замок на её шее. Ведь не хотеть тебя может только дурак.

Он наклонился, его губы коснулись её уха.

— Мы забираем всё, что я выбрал. Твой старый гардероб я прикажу выбросить сегодня вечером. Тебе больше не нужно прятаться, Элис. Тебе нужно сиять для меня.

Элис смотрела на своё отражение в массивном зеркале бутика и не узнавала женщину в темно-синем атласе. Ткань текла по телу, словно ночная вода, подчеркивая каждую линию, которую она годами старалась скрыть под хлопком и трикотажем.

— Я не смогу это носить... — голос Элис прозвучал хрипло, почти неузнаваемо. — Это платье... оно ничего не скрывает.

Ян усилил хватку на её плечах. Его ладони были горячими, и этот контраст с холодной тканью атласа заставлял её сердце пропускать удары.

— В этом и смысл, Элис, — его глаза в отражении встретились с её глазами. — Зачем скрывать то, что стоит миллионы? Ты должна привыкнуть к тому, что на тебя смотрят. Привыкнуть к тому, что каждый мужчина в радиусе мили хочет коснуться этой кожи, но знает — если он сделает это, я сломаю ему руку.

— Ты превращаешь меня в декорацию, — она попыталась отвести взгляд, но его рука переместилась к её подбородку, заставляя смотреть прямо. — В трофей, который ты выставишь на показ, чтобы потешить свое эго.

— А разве ты не этого хотела? — Ян насмешливо приподнял бровь. — Ты ведь просила меня вернуться к сделке. Ты сама предложила «любое условие». Это и есть условие. Твоя прежняя жизнь, твои растянутые свитера и кеды — всё это отправляется в мусорный бак. Теперь ты — продолжение моего статуса.

— Учительница из «Маяка» не может так выглядеть, — Элис судорожно сглотнула, чувствуя, как чокер натягивается на горле. — Что я скажу коллегам? Детям?

Ян наклонился еще ниже, его дыхание опалило её щеку.

— Ты скажешь им, что нашла щедрого покровителя. Или не говори ничего. Твое молчание всегда было твоим лучшим украшением. К тому же... — он медленно провел пальцем по тонкой бретельке на её плече, — в школе ты больше не появишься так часто, как раньше. Теперь у тебя будет новый график. Составленный мной.

Элис почувствовала, как по телу пробежала дрожь.

— Ты забираешь у меня работу? Ты обещал спасти школу, а не изолировать меня от неё!

— Школа спасена, Элис. Деньги уже на счету. Но ты... ты теперь принадлежишь другому ведомству. — Он отпустил её и обернулся к консультанту, которая ждала в стороне с почтительным трепетом. — Упакуйте всё. И добавьте те туфли на шпильке, с ремешками. Она надеет их сегодня вечером.

Ян снова повернулся к Элис, его взгляд стал жестким и собственническим.

— И не вздумай плакать. Твои слезы портят цвет этих глаз. Улыбайся, Рыжик. Ты только что стала самой дорогой женщиной в этом городе. Разве это не то, о чем мечтают все «маленькие девочки»?

— Только те, у кого нет сердца, Ян, — тихо ответила она, глядя на свое ослепительное, но чужое отражение.

— Отлично, — он холодно улыбнулся. — Значит, мы идеально подходим друг другу. У меня его тоже нет.

Консультанты быстро упаковывали горы коробок. Элис смотрела на свое отражение и не узнавала себя. Изумрудное платье, выбранное им утром, уже казалось ей «старым». Ян менял её слой за слоем, и самое страшное было в том, что ей начинало нравиться это новое, опасное отражение.

— А теперь, — Ян взял её за руку, — мы поедem домой. У меня есть для тебя еще один подарок, который не поместится в коробку.

Машина остановилась не у её привычного панельного дома, а у подножия сверкающего небоскреба из стекла и стали, венчающего элитный квартал. Ян заглушил двигатель и повернулся к ней. В свете вечерних огней его лицо казалось высеченным из мрамора.

— Твоя старая каморка мне надоела, Элис. С этого дня твой дом там, где я скажу, — произнес он тоном, не допускающим возражений. — Я перевез твои вещи, пока ты была на работе. Те, что я решил оставить. Остальное — в мусоре.

Он не стал дожидаться её реакции. Выйдя из машины, он жестом приказал ей следовать за собой. Скоростной лифт бесшумно поднял их на 42-й этаж. Когда двери разошлись, Элис оказалась в огромном пентхаусе с панорамными окнами во всю стену. Перед ней лежал весь город — крошечный, мерцающий, словно игрушечный.

Здесь всё было пропитано стилем Яна: минимализм, холодные оттенки, кожа и безупречный порядок.

Огромное пространство открытой планировки казалось бесконечным из-за полированного черного гранита, которым был выложен пол; в его зеркальной поверхности отражались огни ночного города, создавая иллюзию, будто ты идешь по застывшему ночному небу.

Центральное место в гостиной занимала мебельная группа из антрацитового кожи — массивные диваны с острыми, геометрически выверенными углами. На низком столике из закаленного дымчатого стекла не было ни соринки, ни единой случайной вещи, только тяжелая пепельница из цельного куска обсидиана.

Здесь не было уютных ламп. По периметру потолка тянулись скрытые светодиодные ленты, заливавшие стены из шлифованного бетона холодным лунным сиянием. Каждая деталь интерьера была подсвечена так, словно это был музейный экспонат.

Вместо картин стены украшали декоративные панели из темного дерева макасар с едва заметными прожилками, за которыми скрывались встроенные шкафы. Кухонная зона больше напоминала операционную. Столешницы из матовой нержавеющей стали, скрытые за фасадами приборы и полное отсутствие запахов еды. Здесь пахло только дорогим деревом, свежей кожей и озоном от мощных кондиционеров.

Но самым подавляющим были окна. Панорамное остекление от пола до потолка лишало ощущения защиты. Казалось, между тобой и бездной нет ничего, кроме тонкого слоя стекла. Элис чувствовала себя здесь песчинкой. В её старом доме стены «обнимали» её, храня тепло прошлых лет, здесь же стены её «наблюдали».

— Здесь ты будешь в безопасности, — он подошел к ней сзади и обхватил за талию, заставляя смотреть на огни мегаполиса. — Никаких случайных соседей, никаких взломанных замков. Только я и охрана внизу.

Квартира была лишена мелких деталей — ни рамок с фотографиями, ни мягких пледов, ни пыльных книжных полок. Это было пространство для хищника, которому не нужно

прятаться, потому что он сам является вершиной пищевой цепочки. Пентхаус подчеркивал её новый статус: она больше не была хозяйкой своего маленького мира, она стала частью этого стерильного, пугающего совершенства.

Элис почувствовала, как у нее бешено стучит сердце. Это была не квартира, это была безупречная, высокотехнологичная клетка. В её старой квартирке были трещинки на потолке, любимая кружка со сколом и запах старых книг. Здесь было стерильно и дорого. Ян стер последние следы её независимости, переселив её на свою территорию.

— Ты... ты не можешь просто так забрать мою жизнь, — прошептала она, глядя на свое отражение в стекле.

— Я не забрал её, Фох. Я её апгрейдил, — Ян развернул её к себе и коснулся пальцами замка на её шее. — Там, внизу, ты была маленькой серой учительницей, которую мог обидеть любой. Здесь, на вершине, ты — часть моей империи. И если ты думаешь, что я позволю тебе вернуться в ту сырую конуру после того, как вложил в тебя столько своего драгоценного времени... ты плохо меня знаешь.

Он подвел её к столу, на котором лежал планшет. На экране была выведена сетка камер видеонаблюдения новой квартиры.

— Умный дом синхронизирован с моим телефоном. Температура, освещение, замки... Я буду знать даже когда ты встанешь с кровати за стаканом воды.

Он взял её за руку и потянул в сторону спальни, где на огромной кровати уже лежали пакеты с их сегодняшними покупками.

— А теперь покажи мне, как на тебе сидит то синее платье. Без жакета. Я хочу увидеть, как атлас подчеркивает то, что теперь принадлежит только мне.

Элис вышла из гардеробной медленно, словно ступала по битому стеклу. Темно-синий атлас струился по её телу, подчеркивая каждый изгиб, а тонкие бретельки казались почти невидимыми на бледной коже. Она выглядела безупречно — дорогое украшение в дорогом интерьере. Но когда она подняла взгляд на Яна, в её глазах не было ни тени той покорности, которую он пытался в ней взрастить.

Ян не шелохнулся. Он сидел на краю кровати, откинувшись на локти, и наблюдал за её приближением с видом ценителя, перед которым наконец выставили подлинник великого мастера. Свет в спальне был приглушен до мягкого янтарного свечения, которое заставляло атлас на её бедрах переливаться, словно ртуть.

— Подойди ближе, — негромко скомандовал он.

Элис сделала два шага, остановившись в метре от него. Холодная ткань платья дразнила кожу, напоминая о том, как мало на ней осталось одежды.

— Повернись, — Ян жестом указал ей сделать круг.

Она подчинилась, чувствуя, как глубокий вырез на спине обнажает её до самой поясницы. Воздух из кондиционера коснулся её позвоночника, вызвав произвольную дрожь. Когда она снова оказалась лицом к нему, Ян выпрямился, протянул руку и, зацепив пальцем тонкую бретельку, медленно потянул её вниз, к самому плечу.

— Ты выглядишь так, будто собираешься меня убить, Элис, — его голос вибрировал от скрытого удовольствия. — Этот огонь в твоих глазах... Он стоит дороже, чем всё это здание.

— Ты сказал, что я должна сиять для тебя, — процедила она, стараясь не смотреть на его губы. — Я выполняю условия. Разве не этого ты требовал в бутике?

— Я требовал послушания, а не этой ледяной вежливости. Ты стоишь здесь, в платье за пять тысяч долларов, в квартире, о которой миллионы могут только мечтать, и смотришь на меня так, будто я — грязь на твоих подошвах.

— А кем я должна тебя считать? Спасителем? — Элис горько усмехнулась. — Ты купил мою жизнь, Ян. Ты стер моё «я», заменил мои вещи своими, повесил на меня маячок через

систему «умного дома». Ты не мужчина, который завоевал женщину. Ты коллекционер, который запер птицу в золотой клетке и ждет, что она споет ему от радости.

Ян резко встал. Его рост и близость мгновенно заставили её замолчать. Он схватил её за подбородок, заставляя закинуть голову.

— Птица в клетке не ставит условий, хитрая лиса. Она просто кормится с руки. Ты думаешь, твой гнев что-то меняет? Это лишь приправа к твоему телу. Твой стальной стержень... — он свободной рукой медленно провел по её талии, чувствуя, как она напрягается под атласом, — ...я буду гнуть его до тех пор, пока он не станет податливым, как этот шелк.

— Ты никогда не получишь то, чего хочешь на самом деле, — прошептала она, преодолевая комок в горле. — Ты можешь владеть моим временем, моим телом, даже моими платьями. Но ты никогда не увидишь в моих глазах ничего, кроме презрения.

Ян наклонился к её губам, отдавая их жаром своего дыхания.

— Мы проверим это через пару часов. Когда я буду снимать с тебя этот атлас, посмотрим, останется ли в твоём голосе место для презрения. Или там будет только мое имя.

Он отпустил её подбородок и кивнул на столик в углу, где стояла бутылка шампанского в ведерке со льдом.

— Налей себе. Тебе нужно расслабиться.

Элис замерла.

— Ты снова хочешь растоптать мою гордость?

— Именно так, — Ян подошел к зеркалу, поправляя манжеты рубашки. — И не забудь надеть туфли. Я хочу, чтобы ты была на голову выше своих страхов.

В этих зеленых глазах застыл холод арктических льдов.

— Ты купил мне стены, Ян. Ты купил одежду, школу и даже воздух, которым я здесь дышу, — её голос звучал тихо, но отчетливо, разрезая стерильную тишину пентхауса. — Но ты никогда не купишь то, что внутри.

Она сделала шаг вперед, не отводя взгляда.

— Человека нельзя купить насильно. Доверие и любовь зарабатывают заботой и вниманием, а не силой и контролем. Ты можешь запереть меня здесь, можешь обвесить камерами и датчиками, но в тот момент, когда ты засыпаешь, я всё равно остаюсь свободной. Потому что мои мысли тебе не принадлежат. И никогда не будут.

Ян замер. Его рука, тянувшаяся, чтобы коснуться её плеча, остановилась в воздухе. В его взгляде промелькнуло что-то новое — не гнев, не азарт охотника, а мимолетная, глубоко запрятанная тень разочарования. Он привык, что всё в этом мире имеет цену и поддается алгоритмам. Он считал, что комфорт и безопасность — это универсальный ключ к любому сердцу.

— Забота и внимание? — он усмехнулся, но на этот раз усмешка была горькой. — Я спас твою школу. Я приготовил тебе завтрак. Я защитил тебя от Грея. Разве это не забота?

— Это дрессировка, Ян, — отрезала Элис. — Ты заботишься о своей собственности, чтобы она не испортилась. Это не имеет ничего общего с любовью.

Ян медленно опустил руку. Он подошел к панорамному окну и долго смотрел на расстилающийся внизу город. Отражение Элис в стекле стояло прямо за его спиной — тонкая, хрупкая, но непоколебимая фигура.

— Ты думаешь, что твоя мораль выше моих методов, — произнес он, не оборачиваясь. — Но мир — это хаос, Элис. И я — единственный, кто упорядочил его для тебя.

Он резко обернулся. В его глазах снова вспыхнул холодный расчет.

— Хорошо. Ты хочешь «заботы и внимания»? Ты хочешь верить, что я могу играть по твоим правилам? Давай проверим. Я не трону тебя сегодня. И завтра. Я дам тебе то, что ты называешь «свободой» внутри этих стен. Посмотрим, как долго ты выдержишь тишину и уважение, прежде чем сама начнешь умолять меня о том, чтобы я снова стал твоим хозяином.

Он подошел к двери спальни, задержавшись в проеме.

— Спи в этой огромной кровати одна, Элис. Ключ от чокера на тумбочке. Можешь снять его, если считаешь, что это делает тебя свободной. Но помни: без него ты — снова никто в этом городе. А со мной — ты всё.

Он вышел, плотно закрыв дверь, оставив её одну в сияющем великолепии 42-го этажа.

Элис шумно выдохнула, пытаясь побороть ураган, бушующий в ее груди. Она взяла сумку, телефон, накинула новый легкий кардиган на плечи и отправилась в свою старую квартиру, чтобы убедиться в том, что он не соврал.

Подъезд старой пятиэтажки встретил Элис привычными запахами сырости и пыли, но внутри всё казалось чужим. Она вбежала на второй этаж, стуча каблуками новых неудобных туфель. Ее пальцы дрожали, когда она вставляла ключ в замок.

Щелчок. Дверь открылась.

Квартира встретила её звенящей пустотой. Ян не лгал. Здесь не осталось ни её старых книг, ни потертых занавесок, ни даже запаха её жизни. Стерильная чистота, голые стены, старая мебель и эхо, которое издевательски повторяло звук её шагов. Он вычистил её прошлое так же эффективно, как форматируют жесткий диск.

Элис прислонилась к дверному косяку, чувствуя, как внутри нарастает истерический смех. У неё не осталось даже запасного плана. Она действительно была стерта.

— Элис? Что происходит?

Голос за спиной заставил её вздрогнуть. Она резко обернулась. На лестничной площадке стоял Дэн. Он сделал шаг вперед, в тусклый свет подъезда, и Элис невольно сравнила его с тем миром, в который её затянул Ян. Дэн выглядел... обычным. Его спортивная куртка из серой синтетики слегка лоснилась на локтях, а джинсы были чуть потерты по низу. Его широкие плечи, которыми она когда-то восхищалась, теперь казались ей громоздкими, а лицо — с мягким подбородком и добрыми, но какими-то пустыми глазами — несло на себе отпечаток простой, понятной и не слишком обремененной смыслом жизни.

Запах его дешевого одеколона — резкий, цитрусовый, вперемешку с запахом мятной жвачки — ударил ей в нос, вызывая тошноту. Это было так далеко от терпкого, дорогого аромата Яна, который, казалось, впитался в её поры.

Дэн был полной противоположностью той холодной аристократичности, которой дышал Ян. Если Ян казался выточенным из мрамора, то Дэн был «парнем из соседнего двора», чья внешность привычной и.. безнадежно заурядной.

У него было широкое лицо с мягкими чертами: добродушный, чуть приплюснутый нос, который он когда-то сломал на футбольном поле, и густые, вечно взлохмаченные светло-русые волосы, которые он имел привычку ерошить пятерней, когда нервничал. Его глаза, серо-голубые и ясные, сейчас смотрели на Элис с той смесью недоумения и уверенности в собственной правоте, которая раньше казалась ей милой, а теперь вызывала лишь глухую тоску.

Дэн был крепко сбит — широкие плечи, мощный торс и немного тяжеловатая походка. Его телосложение было результатом дисциплины и частых походов в «качалку» за углом, где он работал тренером.

— Ты? — только и смогла выдавить Элис, сильнее вцепившись в косяк. Чокер под воротником кофты словно стал горячим, прижигая кожу. — Что ты здесь делаешь, Дэн?

— Элис, — он подошел ближе, пытаясь взять её за руку, но она инстинктивно отпрянула. Дэн неловко замер. — Я облажался. Та девчонка... она ничего не значила. Просто выпил лишнего. Я скучаю по нам. По тому, как мы смотрели сериалы по субботам. По твоим дурацким веснушкам.

Он попытался улыбнуться своей самой обаятельной улыбкой, не замечая, что Элис смотрит на него как на призрак из прошлой жизни, которая была закончена всего несколько дней назад, но казалась теперь отделенной столетиями.

— Веснушкам? — эхом отозвалась она. В её ушах всё еще звучал низкий голос Яна: «Твое молчание — твое лучшее украшение».

— Да, — Дэн осмелел и сделал еще шаг, вторгаясь в её личное пространство. — Слушай, я видел на днях у твоего подъезда черный «Порше». Какой-то мажор перекрывал выезд. Надеюсь, он не к тебе? Элис, ты же знаешь этих типов, им только одно нужно. А я... я свой. Мы можем начать сначала. Завтра же перевезу вещи обратно.

Элис почувствовала, как внутри действительно поднимается истерический смех. Дэн говорил о «своем парне», о прощении интрижки и о возвращении к сериалам, в то время как на её шее затягивалась золотая удавка ценой в миллион долларов.

— Уходи, Дэн, — выдохнула она, чувствуя, как от страха за него у неё холодеют пальцы. — Просто уходи. Прямо сейчас.

— Что? Почему? — он нахмурился, и в его голосе прорезались привычные капризные нотки. — Ты что, до сих пор злишься из-за той ситуации? Брось, Элис, я же извинился! Кто еще тебя будет терпеть с твоей вечной работой в школе и этой правильностью?

Его взгляд скользнул по её новому дорогому кардигану, по её лицу, которое выглядело иначе — более утонченным и измученным одновременно. А затем его глаза округлились.

— Это что, черт возьми, такое? — Дэн указал на её шею, где под воротником кардигана блеснул золотой замок чокера. — Ты что, в какую-то секту подалась? Или нашла себе папика, который нацепил на тебя ошейник?

Его голос, когда-то казавшийся ей надежным, теперь звучал грубо и плоско. После баритона Яна, после его ледяной, но высокой игры, претензии Дэна казались жалкими.

— Уходи, Дэн. Тебе здесь нечего делать. И мне тоже, — холодно ответила она.

— Подожди! — Дэн схватил её за локоть. Его хватка была сильной, тренерской, но в ней не было той власти, которая заставляла её сердце замирать. — Ты посмотри на себя! Ты же на подстилку похожа в этом наряде. Тот парень, который это купил... он же тебя сломает. Пойдем со мной, я сниму с тебя эту дрянь, и всё будет как раньше.

Он потянулся рукой к её шее, намереваясь сорвать кожаную полосу.

В этот момент в кармане Элис завибрировал телефон. Она знала, кто это. Ян наблюдал за ней через GPS в телефоне или камеру в подъезде. И он явно не собирался позволять «бывшему» трогать свою собственность.

Глаза Дэна сузились от гнева, он все еще держал её за локоть, пытаясь заглянуть в экран телефона. Элис чувствовала, как внутри неё закипает гремучая смесь из ярости на Яна и отвращения к Дэну.

— Включи связь, Элис, — голос Яна в трубке был тихим, вкрадчивым и абсолютно беспощадным. — Или я пришлю тех, кто сделает это за тебя. Ты ведь не хочешь, чтобы твой старый знакомый закончил этот вечер в травмпункте?

Дрожащими пальцами, задыхаясь от унижения, она нажала на иконку динамика. Тишина подъезда мгновенно наполнилась холодным, властным голосом человека, который находился за несколько километров отсюда, но контролировал каждый сантиметр пространства вокруг неё.

— Слушай меня внимательно, Дэн, — произнес Ян. Слово «Дэн» он выплюнул так, словно это было название какой-то мелкой, неприятной инфекции. — Ты сейчас уберешь свои руки от женщины, которая тебе не по карману, и исчезнешь. Если ты коснешься этого замка на её шее — ты будешь выплачивать его стоимость до конца своей жалкой жизни. А стоит он больше, чем всё имущество твоей семьи, включая твои дешевые гантели.

Дэн побледнел, его пальцы на локте Элис разжались сами собой. Он открыл рот, чтобы что-то возразить, но Ян не дал ему вставить ни слова.

— Элис принадлежит к миру, о котором ты можешь только мечтать. Убирайся. У тебя есть десять секунд, прежде чем моя служба безопасности, стоящая этажом ниже, поднимется, чтобы помочь тебе ускорить шаг.

Дэн испуганно посмотрел на лестничный пролет, затем на Элис — теперь в его глазах была не любовь или ревность, а чистый, животный страх. Он попятился, едва не споткнувшись о ступеньку.

— Ты... ты совсем сумасшедшая, Элис. Ты во что ввязалась? — выкрикнул он напоследок и бросился вниз по лестнице, хлопая дверью подъезда.

Элис осталась стоять в пустом коридоре своей бывшей жизни. Телефон в её руке всё еще транслировал тишину.

— Не смей так унижать меня, — прошипела она в трубку, сжимая кулак до боли. Ногти впились в ладони. — Ты использовал меня, чтобы потешить своё эго перед этим ничтожеством? Тебе мало было купить мои стены? Ты хочешь выжечь во мне всё живое?

— Я не унижал тебя, Фох, — голос Яна стал мягче, но от этого не менее опасным. — Я показал тебе разницу. Твое прошлое — это предательство и дешевые жесты. Твое настоящее — это я. Я защищаю то, что ценю. И если для этого нужно выкинуть мусор из твоего подъезда — я это сделаю.

Он сделал паузу, и Элис услышала звук открываемого шампанского на том конце провода.

— Машина ждет внизу. Возвращайся домой. В наш дом. На сегодня уроков достаточно. Я жду тебя ровно час. Если опоздаешь — я решу, что ты всё еще скучаешь по своему тренеру, и мне придется лично пересчитать все ли косточки подарила ему природа.

Когда Элис вошла в пентхаус, Ян уже ждал её. Он не выглядел рассерженным — напротив, он был пугающе спокоен. На мраморном кухонном острове лежал тонкий кожаный планшет с несколькими листами плотной бумаги.

— Подойди, — негромко произнес он. — Я ценю твою привязанность к прошлому, Элис, но пора перерасти масштаб школьного учителя.

Элис взглянула на документы. Вверху красовался логотип «S-Holdings». Заголовок гласил: «Контракт о найме на должность личного ассистента главы управления». Пробежав глазами по строчкам, она почувствовала, как земля уходит из-под ног. Сумма гонорара была баснословной — этих денег хватило бы, чтобы содержать школу «Маяк» десять лет. Но пункты о расторжении были драконовскими: эксклюзивность, доступность в любое время суток, неразглашение и срок — пять лет без права на увольнение по собственному желанию.

— Пять лет? — прошептала она, поднимая на него полные ужаса глаза. — Ян, ты с ума сошел? Я не могу бросить школу! У меня дети, у меня Томми, у которого только начался прогресс в чтении... Они нуждаются во мне! Ты не можешь просто вырвать меня из их жизней!

— Дети нуждаются в ресурсах, Элис, а не в одной конкретной женщине, которая изматывает себя за гроши, — Ян подошел ближе, его голос стал жестким, как гранит. — С этим контрактом ты станешь официальным попечителем школы. Ты сможешь нанять им лучших учителей страны, купить им оборудование, о котором они не мечтали. Но ты больше не будешь стоять у доски. Ты будешь стоять рядом со мной.

Он протянул ей дорогую перьевую ручку.

— Это юридическое закрепление того, что уже произошло де-факто. Ты жаловалась, что я «покупаю стены». Теперь я предлагаю тебе официальный статус. Ты будешь моей правой рукой в бизнесе и моей... единственной слабостью дома. Подпиши.

— А если я откажусь? — Элис отступила на шаг, прижимая руки к груди. — Ты снова заберешь деньги у школы?

Ян слегка наклонил голову, и в его глазах блеснула опасная искра.

— Если ты откажешься, я пойму, что ты предпочитаю быть «подстилкой без прав», как выразился твой бывший тренер, а не влиятельным партнером. И тогда я буду обращаться с тобой соответственно. Без завтраков, без шелковых платьев и без всякой жалости к твоей школе. Выбор за тобой, Фох: либо тыходишь в мою жизнь официально, либо ты остаешься здесь на правах пленницы, пока мне не надоест.

Элис посмотрела на ручку, затем на панорамное окно, за которым мерцал город, где у неё больше не было дома. Она понимала: этот контракт — её золотая цепь. Подписав его, она спасет детей, но навсегда потеряет саму себя.

Элис стояла прямо несмотря на то, что ее сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. Она не отвела взгляда, когда Ян сделал шаг в ее сторону. В этот момент она защищала не просто свою работу — она защищала право оставаться человеком.

— Я подпишу, — повторила она, и ее голос окреп. — Но только если в контракте будет прописано мое право посещать «Маяк» дважды в неделю. Как волонтер, как консультант — мне плевать на статус. Но я не оставлю их.

Ян молчал, изучая ее лицо, словно видел его впервые. Его пальцы, до этого спокойно лежавшие на поверхности стола, слегка сжались.

— Ты ведешь себя как избалованный ребенок, Ян, — добавила она, и в ее тоне прорезалась та самая учительская строгость, которую не могли заглушить даже бриллианты и шелк. — Ребенок, который привык получать все игрушки, которые захочет. Но жизнь — не игра, и люди не заслуживают того, что ты с ними делаешь. Ты не можешь просто нажать «delete» на моей душе.

На мгновение в комнате повисла такая тишина, что было слышно гудение системы кондиционирования. Ян медленно подошел к ней. Он был выше, мощнее, он подавлял своей аурой, но Элис не шелохнулась.

— Избалованный ребенок? — переспросил он почти шепотом. Его глаза потемнели, в них отразились огни ночного города. — Ты первая, кто рискнул сказать мне это в лицо после того, как я выписал чек на семь знаков.

Он взял ручку из ее дрожащей руки и, перевернув страницу контракта, прямо на полях размашистым почерком вписал: «Понедельник и четверг — личное время Ассистента (обработательные проекты)».

— Вот твоя крупница души, Элис, — он бросил ручку на стол. — Я даю тебе эти два дня. Но помни: в остальные пять ты принадлежишь мне без остатка. Твое время, твои силы, твое внимание. Ты будешь сидеть на моих совещаниях, ты будешь летать со мной на сделки, и ты будешь возвращаться в эту постель.

Не сказать, что его уступка вызвала в Элис чувство маленькой победы, но надежда на то, что с ним все-таки можно договориться, заглясь где-то в ее хрупкой душе. Надежда, что внутри этого самоуверенного чокнутого чудовища еще есть что-то человеческое, что он так умело прячет под толстым слоем крепкого льда.

Он смело взял ее за подбородок, заставляя смотреть прямо в глаза.

— Я не ребенок, Фох. Я тот, кто строит миры. И теперь ты — часть моего фундамента. Подписывай, пока я не передумал и не снес твою школу просто ради того, чтобы доказать, что могу.

Элис взяла ручку. Ее рука почти не дрожала, когда она ставила свою подпись под каждым листом. Это был договор с дьяволом, и она знала это. Но когда она поставила последнюю точку, она почувствовала не только тяжесть оков, но и странное облегчение.

Ян забрал документы и захлопнул папку.

— Официально поздравляю с новой должностью, мисс Блейс. А теперь... сними кардиган. Раз ты теперь мой личный ассистент, нам нужно обсудить твой первый рабочий выезд.

Мы летим в Сингапур завтра в восемь утра. И да, твой «волонтерский» понедельник начнется только через неделю.

Подпись на бумаге еще не просохла, но внутри Элис что-то перемкнуло. Страх, который парализовал её последние сутки, трансформировался в холодное, отчаянное любопытство. Если ей предстояло провести пять лет в тени этого человека, она не могла позволить себе просто бояться. Ей нужно было знать врага — или партнера — в лицо.

Ян собирался отойти к бару, но Элис сделала шаг вперед и перехватила его руку. Её пальцы коснулись его запястья, прямо над дорогими часами. Она почувствовала его пульс — ровный, размеренный, словно он был сделан из титана, а не из плоти.

— Сингапур подождет до завтра, — тихо произнесла она, глядя ему прямо в глаза. — Ты получил свою подпись. Ты получил мое время. Но раз уж я теперь твоя «единственная слабость дома», расскажи мне, Ян... кто научил тебя так эффективно выжигать в людях всё человеческое?

Она не отпустила его руку. Напротив, она сократила дистанцию так, что между ними почти не осталось воздуха. Атлас её нового платья едва касался его дорогого костюма.

— Ты называешь меня наивной, — продолжала она, — но сам ведешь себя как человек, который боится, что если он не привяжет кого-то цепями, то останется в абсолютной пустоте. Кого ты потерял, Ян? Кого ты не смог купить или удержать силой, раз тебе теперь нужны контракты и замки на шее?

Ян замер. Улыбка медленно сползла с его лица, сменяясь маской ледяного недоумения. Никто и никогда не заговаривал с ним в таком тоне — не как с боссом, не как с тираном, а как с женщиной, у которого есть раны.

— Ты заходишь на опасную территорию, Фох, — его голос стал низким, в нем послышался предупреждающий рокот. — Контракт не дает тебе права на психоанализ.

— Контракт дает мне право быть рядом 24/7, — парировала Элис, сделав еще полшага вперед. Теперь она сама коснулась пальцами его шеи, чуть выше воротника рубашки. — Значит, мне придется привыкнуть к твоему лицу. А тебе — к моим вопросам.

Она увидела, как в его глазах на мгновение отразилось замешательство, прежде чем он снова взял себя в руки. Он не оттолкнул её. Его ладонь легла ей на талию, притягивая почти грубо, но в этом жесте была не только власть, но и внезапная, неосознанная потребность в этом тепле.

— Ты хочешь знать, что под маской? — Ян наклонился к её губам, его дыхание стало прерывистым. — Под маской — человек, который знает, что доверие — это миф, а преданность — это результат правильных инвестиций. Но если ты так хочешь поиграть в «искренность» ... Давай проверим, насколько глубоко ты готова заглянуть. Но помни: то, что ты там увидишь, может тебе не понравиться.

Ян отошел в сторону, скрестив руки на груди и бросил скептически:

— Если до завтра ты сможешь найти хоть одну вещь в этом доме, которую я не купил, я отменю пункт о пяти годах.

Этот вызов повис в воздухе, как брошенная перчатка. Ян смотрел на неё с торжеством игрока, который уверен, что в его казино все карты крапленые. Он обвел рукой стерильный, безупречный пентхаус.

— Оглянись, Элис. Здесь каждый гвоздь, каждый литр воздуха и каждая нитка на твоём теле имеет серийный номер и подтвержденную транзакцию. Я купил этот вид, я купил тишину вокруг нас, я купил даже твое прошлое, отправив его на свалку. У тебя есть время до рассвета.

Он оставил её и отошел к бару, наливая себе виски. Его спина выражала абсолютную уверенность. Он не просто бросил ей вызов — он издевался, наслаждаясь своей тотальной победой.

Элис начала медленно обходить квартиру. Она заглядывала в шкафы, где пахло новой кожей и дорогим парфюмом. Она проводила пальцами по холодным мраморным столешницам. Она открыла ящик тумбочки — там лежал ключ от чокера, отлитый из золота. Тоже купленный. Звуки ее шагов отбивались звонким эхом от стен.

Минуты складывались в часы. Она зашла в ванную, посмотрела на стройные ряды флаконов. Зашла в кабинет — мониторы, техника, кожаные кресла. Всё было слишком новым. Слишком совершенным. У Яна не было привязанностей, не было «бабушкиных наследств» или старых памятных безделушек. Он окружал себя вещами, которые можно было заменить в любой момент, если они ломались.

Элис вернулась в гостиную. Ян стоял у окна, наблюдая за редкими огнями ночного города.

— Сдаешься? — не оборачиваясь, спросил он. — Признай, Fox, в моем мире нет места тому, что не имеет цены.

Элис подошла к нему вплотную. Она видела его отражение в стекле — холодное, величественное и бесконечно одинокое. Она поняла, что искать материальный предмет бесполезно. В этой крепости не было места старым вещам.

Она медленно подняла руку и коснулась своей щеки, а затем провела пальцами по своей шее, прямо над черным атласом ошейника.

— Ты прав, Ян. Ты купил это платье. Ты купил этот чокер. Ты купил квартиру и школу.

Она сделала шаг, заставляя его обернуться, и приложила его ладонь к своей груди, там, где под ребрами неистово билось живое, теплое сердце.

— Но ты не купил мой страх. Ты не купил мою ярость, когда ты унижаешь меня. И ты не купил это сердцебиение, которое сейчас ускоряется не от твоего богатства, а от того, что я — живая, а ты пытаешься превратить меня в статую.

Она посмотрела ему прямо в глаза, и в её взгляде не было смирения.

— Мои чувства к тебе — ненависть это, презрение или та странная дрожь, которую я чувствую сейчас — они бесплатны. Ты не можешь выписать чек на мои эмоции. Они принадлежат мне. И это единственное в этом доме, что ты не покупал, потому что они возникают сами по себе, вопреки твоим миллионам.

Ян замер. Он буквально ощущал бешеный ритм её сердца. Это было то, что нельзя было заказать у поставщиков или выиграть на аукционе. Это была чистая, необузданная реакция живого существа на его присутствие.

— Эмоции — это химическая реакция, Элис, — его голос слегка дрогнул, теряя свою монолитность. — Но...

— Но ты не можешь их контролировать, — перебила она. — Ты можешь заставить меня стоять здесь, но ты не можешь заставить меня чувствовать то, что ты хочешь. Твой вызов выполнен. Я нашла то, что тебе не принадлежит.

Тишина, следовавшая за его словами, была почти оглушительной. Ян смотрел на Элис так, словно видел перед собой не просто женщину, а сложную зашифрованную систему, которую он впервые не смог взломать грубой силой.

Медленным, пугающе спокойным движением он взял со стола папку с контрактом. Послышался резкий, сухой звук рвущейся бумаги. Сначала один лист, затем второй, третий... Ян разжал пальцы, и белые обрывки, за которые Элис только что готова была отдать свою жизнь, посыпались на дорогой ковер, словно искусственный снег.

— Пяти лет не будет, я перепишу контракт, — произнес он, и в его голосе больше не было металла — только странная, опасная искренность. — Ты останешься здесь только до тех пор, пока твое сердце будет биться так же быстро при моем виде.

Он сделал шаг вперед, сокращая дистанцию до минимума.

— Но не обольщайся, Фох. Это не свобода. Это ловушка посерьезнее юридических бумаг. Я ставлю не на закон, а на тебя. На твою честность. Ты сама признала, что твои чувства мне не принадлежат. Что ж... теперь моя цель — сделать так, чтобы ты добровольно захотела отдать их мне. Без чеков и принуждения.

Он наклонился, коснувшись губами её лба — почти целомудренно, но от этого жеста у Элис перехватило дыхание сильнее, чем от его вчерашней грубости.

— Завтра в восемь утра мы всё равно летим в Сингапур. Но теперь ты летишь туда не как ассистент по контракту, а как женщина, которая бросила мне вызов. Посмотрим, как долго ты сможешь ненавидеть меня в мире, который я создам специально для тебя.

Ян отпустил её и направился к выходу из гостиной, на ходу бросив через плечо:

— Спи, Элис. Ключ от чокера на тумбочке. Если утром я увижу его на твоей шее — я буду знать, что пари продолжается. Если нет... что ж, тогда я проиграл не только этот спор, но и нечто большее.

Он закрыл за собой дверь спальни, оставив её посреди роскошного пентхауса среди обрывков разорванного «приговора». Элис осталась одна. Перед ней на тумбочке лежал золотой ключ. Она могла снять ошейник, вызвать такси и уехать в пустоту своей старой жизни, зная, что Ян её не удержит. Но Элис решила оставить символ его власти на себе, приняв правила этой новой, психологической игры, где на кону уже не деньги, а её душа.

Глава 5: Наследник пустоты

Детство Яна Шейла не было временем сказок. Это был затяжной курс выживания в стерильных интерьерах из мрамора и стекла, где единственным законом было право сильного.

Маленький Ян рано понял: в доме Шейлов любовь — это не чувство, а валюта, которую нужно заслужить. Его отец, суровый патриарх и основатель империи, видел в сыне не ребенка, а инвестиционный проект. Если проект не приносил прибыли в виде отличных оценок или побед на соревнованиях по фехтованию, инвестиции сокращались до ледяного молчания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.